

ШАМИЛЬ ВЪ КАЛУГѢ.

(Изъ записокъ пристава при военно-пѣльнннмъ.)

Еще задолго до прїѣзда своего семейства, Шамиль неоднократно выказывалъ стремленіе отказаться отъ великосвѣтскаго образа жизни, которому мы съ нимъ предались было въ началѣ нашего пребыванія въ Калугѣ; но милое радушіе калужскаго общества не позволило достигнуть этого намѣренія вполне: къ великому удовольствію пріятели моего Хаджіо, на горизонтѣ общественной жизни добраго города Калуги, весьма нерѣдко появлялись любезныя его сердцу знаменія, въ видѣ именинъ, дней рожденія и другихъ болѣе или менѣе торжественныхъ случаевъ, способныхъ, какъ сначала казалось, вызвать Шамиля на свѣтъ Божій изъ его добровольнаго заточенія въ неприступномъ замкѣ *Ахулю* (*). О всѣхъ предстоявшихъ празднествахъ Хаджіо какимъ-то чудомъ узнавалъ всегда заблаговременно и тотчасъ же приступалъ къ непріязненнымъ дѣйствіямъ противъ стоическаго спокойствія своего эфенди (**).

(*) Такъ названъ, если припомнить читатели, въ занимаемомъ Шамилемъ домѣ, третій этажъ его, въ которомъ расположился самъ Шамиль съ своими женами.

(**) Этимъ словомъ горцы обозначаютъ ученаго, уважаемаго или, вообще, известнаго своими заслугами челоѣка. Въ другомъ смыслѣ, «эфенди» значитъ, просто, господинъ, и съ этимъ словомъ обращаются, обыкновенно, изъ вѣжливости ко всякому знакомому и незнакомому челоѣку.

Обыкновенно, онъ начиналъ съ меня. Сдѣлавъ предварительное вступленіе, конечно, не имѣвшее ничего общаго съ предметомъ, который занималъ его, Хаджію подвигался къ нему окольными дорогами, какъ ему, казалось, совсѣмъ незамѣтно, и ужь потомъ заканчивалъ такимъ или почти такимъ воззваніемъ:

— Какой завтра большой праздникъ у васъ!

— Какой же это праздникъ? спрашивалъ я, вначалѣ съ немалымъ удивленіемъ, зная, что, въ это время года, кромѣ Рождества, нѣтъ большихъ праздниковъ.

Оказывалось, что завтра или день рожденія Софьи, Лизаветы, Алискандэра, или когонибудь другаго изъ нашихъ знакомыхъ; или же именинница Варвара, именинникъ Николай, или, наконецъ, чтонибудь другое въ этомъ родѣ, но тоже праздникъ, большой праздникъ, «уллау-байрамъ».

Въ скоромъ времени, съ тактикою Хаджію я хорошо ознакомился, и ужь на вопросъ его о завтрашнемъ праздникѣ, обыкновенно, отвѣчалъ вопросомъ же:

— А что, тебѣ, вѣрно, хочется туда поѣхать?

— Копь сюэ, очень хочу! отвѣчалъ мюридъ, — и умные глаза его блистали вожделѣніемъ.

— Зачѣмъ же дѣло стало: поѣзжай!

— Шамилю сказать надо: можетъ быть, и онъ поѣдетъ, отвѣчалъ Хаджію, показывая видъ, что онъ очень заботится о доставленіи своему имаму подобныхъ удовольствій.

Но это было ничто иное, какъ лицемѣріе, потому что Хаджію никогда не чувствовалъ себя до такой степени стѣсненнымъ, какъ въ то время, когда находился въ обществѣ вмѣстѣ съ Шамилемъ и когда, къ особенному удивленію своихъ знакомыхъ, онъ, обыкновенно, превращался изъ браваго, развязнаго горца въ какую-то мокрую курицу, не смѣвшую ни на шагъ отойти отъ своего величаваго властелина или выразить свои ощущенія болѣе или менѣе громкимъ кудактаньемъ. Въ эти минуты, Хаджію рѣшительно былъ не узнаваемъ, и его знакомые имѣли полное право приписывать происходившую съ нимъ метаморфозу какойнибудь черной кошкѣ, пробѣжавшей между ними и симпатичнымъ мюридомъ. Увы! они тогда не знали, что вся эта общительность, разговорчивость и развязность Хаджію съ прекраснымъ поломъ есть величайшій харамъ, то есть «вредъ», «зло» или

вообще, дѣло, наистрожайшимъ образомъ запрещенное шарріатомъ, а слѣдовательно ненавистное и для Шамиля, который отъ всей души убѣжденъ, что внѣ шарріата человѣчеству нѣтъ спасенія.

Дипломатическіе переговоры со мною Хаджіо заключалъ, обыкновенно, похвалою нашему адату, «обычаю», породившему великое множество праздниковъ, которые доставляютъ человѣку возможность такъ весело жить на свѣтѣ.

Не того мнѣнія о нашихъ праздникахъ придерживается Шамиль. Заслышавъ благовѣстъ ко всенощной, хорошо различаемый имъ отъ благовѣста къ вечернѣ, онъ всегда обращается ко мнѣ съ вопросомъ: «какой завтра праздникъ?»

— Такой-то.

— Это, должно быть, большой праздникъ?

— Большой. А ты почему это думаешь?

— Въ большой колоколъ звонять... хорошій у него голосъ: даже слышно, какъ онъ говоритъ — «аллаа-гу акбаръ! аллаа-гу акбаръ (*)!... А что, мужики будутъ завтра работать? продолжалъ онъ, худо скрывая свое нетерпѣніе.

— Нѣтъ, не будутъ.

Шамиль пожималъ плечами и продолжалъ свои распросы, въ первое время, принимавшіе оборотъ въ родѣ слѣдующаго:

— А много у васъ большихъ праздниковъ въ году? допытывался онъ.

— Навѣрное не знаю, а что-то много.

— Мужики во всѣ эти праздники не работаютъ?

— Во всѣ.

— Но вѣдь эдакъ они не кончатъ своей работы.

— Какая работа: если слишкомъ сложная, такъ въ одинъ годъ, разумѣется, не кончатъ.

— А мнѣ кажется, еслибъ они работали «каждый» день, то непремѣнно кончили бы.

— Каждый день нельзя работать: и Богъ работалъ только шесть дней... Есть это въ вашихъ книгахъ?

— Есть: въ пятницу (джума) Онъ не работалъ: отдыхалъ.

— По нашимъ книгамъ, въ воскресенье.

— По нашимъ, въ пятницу...

(*) «Великъ Богъ! великъ Богъ!»

— Я думаю, это все равно: вонъ, въ еврейскихъ книгахъ написано, что Онъ въ субботу отдыхалъ...

— Правда. Это больше ничего, какъ въ вашихъ книгахъ и въ еврейскихъ книгахъ ошибка есть.

— Можетъ быть. Въ чемъ же дѣло?

— А въ томъ, что еслибъ мужики отдыхали только одинъ день въ недѣлю, то сдѣлали бы дѣла гораздо больше, чѣмъ теперь, и денегъ больше бъ у нихъ было.

— Это правда; только нельзя же работать въ большіе праздники: это все равно, что работать въ воскресенье, или, по вашему, въ пятницу.

Доводъ мой, повидимому, мало убѣждалъ Шамиля: возражать на него онъ не возражалъ; но по лицу и по глазамъ его, отразившимъ легкую иронию, весьма можно было замѣтить, что въ головѣ его бродила мысль, которую слѣдовало перевести не иначе, какъ этой фразой: «эхъ вы, празднолюбцы! только и думаете о томъ, какъ бы отдѣлаться отъ работы да предаться вашимъ пляскамъ и другимъ богопротивнымъ увеселеніямъ»...

«Хороши и вы, друзья мои!» думалъ я, любуясь его одушевленною физиономіею: «вы и безъ праздниковъ работаете только шашкой да ружьемъ; работы трудныя — не ваше дѣло: вы возложили ихъ на вашихъ скотовъ да на вашихъ женъ-рабынь, а сами, въ это время, на солнышкѣ грѣтесь...»

Эта нѣмая полемика прекращалась новыми распросами, обнаруживавшими въ Шамилѣ необыкновенную любознательность, но любознательность сдержанную, сосредоточенную, точно какъ будто онъ стыдится ея или опасается доставить своему собеседнику возможность употребить ее во зло. Впослѣдствіи обнаружилось, что шарріатъ, просто, воспрещаетъ всякаго рода научныя знанія, выходящія изъ предѣловъ религіи.

Дни именинъ возбуждаютъ въ Шамилѣ особенное недоумѣніе. Для него понятно празднованіе дня рожденія, потому что самъ онъ и всѣ правовѣрные празднуютъ день рожденія своего пророка; но празднованіе тезоименитства «простыхъ» людей для него рѣшительно непонятно.

— Скажи, пожалуйста, что такое значить «именины?» спрашивалъ онъ у меня.

— Это — день ангела, или святаго человѣка, имя котораго я ношу.

— Что же, этотъ святой человѣкъ родился въ этотъ день?

— Нѣтъ, онъ умеръ въ этотъ день.

— Такъ какъ же вы празднуете его: тутъ надо бы печалиться, что земля лишилась эдакаго хорошаго человѣка.

— Нѣтъ, мы радуемся, что душа этого человѣка соединилась въ этотъ день съ Богомъ: поэтому мы и празднуемъ его.

Шамиль задумался. Думалъ онъ довольно долго, но переварить этой идеи, повидимому, не могъ.

— Вотъ если праздновать именины одного Государя, сказалъ онъ, наконецъ, и потомъ, вдругъ остановился.

Я спросилъ, отчего онъ допускаетъ одинъ этотъ случай.

— Оттого, что имя святаго, подвизавшагося въ прежнія времена, напоминаетъ еще имя великаго человѣка (улму-киши), который дѣлаетъ много добра для многихъ людей; а эти люди должны, мнѣ кажется, пользоваться всякимъ случаемъ, чтобы прославить его и тѣмъ выразить къ нему любовь свою...

Нельзя не согласиться, что Шамиль очень вѣрно понимаетъ отношенія подданныхъ къ своему государю. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядъ этотъ, въ совокупности съ почетомъ, которымъ всегда пользовались у него люди аристократическаго происхожденія, какъ, напримѣръ, ханы и беки, явно противорѣчитъ началамъ, которыя проповѣдывалъ онъ въ Дагестанѣ и которыя пріобрѣли ему столько популярности, нимало не уменьшавшейся отъ предпочтенія къ породѣ. Впрочемъ, противорѣчiе это составляетъ такую же принадлежность характера Шамя, какъ и характера народа, въ главѣ котораго онъ стоялъ. Оно можетъ быть объяснено не иначе, какъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проявлялась его дѣятельность, и при томъ еще условія, чтобы съ знаніемъ личности Шамя соединено было знаніе характера и обычаявъ народа. Пока я могу сказать только то, что подобныхъ противорѣчій въ Шамилѣ много и что всѣ они, какъ мнѣ кажется, ничто иное, какъ порожденіе сложныхъ и разнорѣчивыхъ догматовъ религіи и показаній мусульманскихъ книгъ, о которыхъ Шамиль выразился въ такомъ родѣ, что «чѣмъ больше ихъ читаешь, тѣмъ больше читать хочется»... Мимоходомъ сказать, подалъ о нихъ свое мнѣніе и одинъ изъ членовъ его семейства; только оно выразилось у него нѣсколько иначе: «чѣмъ больше читаешь наши книги — говорить онъ — тѣмъ больше мысли путаются и тѣмъ

больше спать хочется». Которое изъ двухъ мнѣній слѣдуетъ называть болѣе безошибочнымъ, про то Аллахъ вѣдаетъ.

Но возвратимся къ нашему Хаджію, который, узнавъ отъ меня, что, по «нашимъ» обычаямъ (о своихъ онъ не хлопоталъ), ѣхать туда-то весьма можно, если только есть на то охота, отправлялся послѣ того обдѣлывать свои дѣлишки «на верхъ» къ Шамилю. Не разъ случалось мнѣ присутствовать при этихъ переговорахъ; но еще чаще Хаджію передавалъ мнѣ ихъ самъ, находя удовольствіе подѣлиться со мною своею радостію въ случаѣ успѣха, а при неудачѣ — попросить содѣйствія или соѣта.

Задача, которую мюридъ долженъ былъ разрѣшить, заключалась не въ томъ, чтобы убѣдить Шамиля ѣхать къ однимъ или къ другимъ знакомымъ: онъ навѣрное зналъ, что вечеромъ Шамиль ни за что и никуда не поѣдетъ, за однимъ только исключеніемъ, о которомъ будетъ сказано ниже. Что касается утреннихъ или обѣденныхъ визитовъ, отъ которыхъ онъ никогда не отказывается, то тягость эту, по ея кратковременности, Хаджію всегда готовъ былъ перенести съ большимъ самоотверженіемъ. Дѣло же его состояло въ томъ, чтобы устроить себѣ поѣздку на вечеръ, безъ Шамиля, вмѣстѣ съ Грамовымъ, всегдашнимъ товарищемъ его бальныхъ походовъ. Для этого необходимо было получить отъ высшей духовной власти разрѣшеніе, безъ котораго ему казалось, особливо въ первое время, невозможнымъ попасть туда, гдѣ лимоны хотя и не зрѣютъ, но гдѣ ему было отменно хорошо.

Несмотря на всю простоту этой задачи, разрѣшить ее не такъ было легко, какъ это можетъ казаться съ перваго взгляда. Шамиль — глава мюридизма, Хаджію — мюридъ, значитъ оба должны быть первыми и слѣплыми исполнителями указаній шарріата, положительно и строго воспрещающаго, между прочимъ, музыку, танцы и другія бѣсовскія потѣхи, составляющія принадлежность собраний, гдѣ присутствуютъ женщины. Шарріатъ воспрещаетъ мужчинѣ даже быть тамъ, гдѣ есть женщина, а тѣмъ болѣе, если лицо ея не закрыто покрываломъ. За неисполненіе этого, кромѣ лишенія райскихъ удовольствій на томъ свѣтѣ, кромѣ мученій загробной жизни, онъ грозитъ еще бѣдою и въ этомъ мірѣ: «своды зданія, гдѣ происходятъ такіа богопротивныя увеселенія, должны обрушиться и задавить его вмѣстѣ съ

товарищами его непристойныхъ дѣлъ» (*). Если жь этого, положимъ, и не случится, то, во всякомъ случаѣ, ему не миновать ямы или какого либо другаго наказанія.

Отправляясь къ Шамилю толковать о дѣлахъ этого міра, Хаджіо всегда готовился выслушать болѣе или менѣе длинную проповѣдь, на тему, образчикъ которой приведенъ выше. Онъ зналъ, что простота и ясность этой логики не требуетъ и не терпитъ возраженій; слѣдовательно, ему нужно было запастись доводами совсѣмъ другаго свойства, которыми можно было бы доказать неизбѣжность предстоящей поѣздки. Это было трудно. Но праздничная натура мюрида, или, вѣрнѣе, развившееся въ немъ пристрастіе къ нашимъ обычаямъ и самая искренняя душевная симпатія къ Русскимъ, сильно изошряли его изобрѣтательность, и онъ, до нѣкотораго времени, не зналъ отказа въ своихъ представленіяхъ.

Большую частію, онъ дѣйствовалъ на Шамиля оружіемъ, противъ котораго въ шарріатѣ ничего худаго не сказано: онъ говорилъ о дружески-безкорыстномъ расположеніи къ нимъ всей Калуги вообще и ихъ знакомыхъ въ особенности, потому упоминалъ о существующемъ у Русскихъ обычѣ, правда, довольно странномъ, но, какъ ему кажется, совсѣмъ безвредномъ — посѣщать знакомыхъ вечеромъ, а особливо въ дни торжественные, подобные именинамъ, безъ чего, по его словамъ, легко можно возбудить въ знакомыхъ подозрѣніе въ неудовольствіи, которое «мы», по какому либо случаю, къ нимъ питаемъ.

Шамиль этимъ убѣждался и только сѣтовалъ на то, что, сверхъ всякаго желанія съ своей стороны, онъ можетъ возбудить противъ себя неудовольствіе въ людяхъ, которые выказали ему такъ много симпатіи. Но хитрый мюридъ, который только и дожидался этого сѣтованія, спѣшилъ успокоивать его увѣреніями, что въ этомъ русскомъ обычѣ есть два исключенія: въ пользу старыхъ людей вообще и въ пользу его, Шамиля, въ особенности, а въ этомъ послѣднемъ случаѣ—потому, что знакомые «наши» вполне убѣдились, до какой степени обременительны вечернія собранія для него, который, въ продолженіе

(*) Шарріатъ предоставляетъ въ пользу танцевъ одно исключеніе — свадьбу. Но Шамиль своею имамскою властью отвергнулъ и это исключеніе.

своей жизни, привыкъ ложиться спать вмѣстѣ съ природою, а вставать даже и раньше ея.

Наконецъ доводы Хаджіо увѣнчивались блистательнымъ успѣхомъ: онъ получалъ приказаніе ѣхать на вечеръ, передать хозяину саламъ—«поклонъ»—отъ Шамиля и принести извиненіе въ томъ, что, по случаю болѣзней и немощей, онъ не могъ воспользоваться полученнымъ приглашеніемъ.

Съ сіяющимъ лицомъ возвращался Хаджіо отъ Шамиля ко мнѣ.

— Варъ-дуръ (*), «есть!» говорилъ онъ, чуть не прыгая отъ радости: — Шамиль фурманъ бѣрды! (**). Вечеромъ мнѣ очень весело будетъ!...

— А Шамиль поѣдетъ? спрашивалъ я.

— Іохъ, имамъ старый человѣкъ, съ комическою важностію отвѣчалъ онъ: — зачѣмъ онъ поѣдетъ? Я велѣлъ ему остаться дома.

— Скажи, пожалуйста, Хаджіо, говорилъ я ему: — отчего тебя такъ тянетъ въ наши собранія? Ты вотъ мюридъ, стало быть долженъ смотрѣть на нихъ какъ на дѣло нехорошее, потому что оно запрещено шарріатомъ. Потомъ—ты не привыкъ ни къ такому многолюдству, ни къ присутствію женщинъ, ни ко всѣмъ прочимъ условіямъ нашей общественной жизни: тебѣ, по моему разсчету, должно быть очень неловко въ нашихъ собраніяхъ.

— Валла (***) , съ увлеченіемъ отвѣчалъ Хаджіо:—въ вашихъ собраніяхъ мнѣ гораздо ловче, чѣмъ было въ Гүнибѣ.... Ваши мужчины такъ обходительны, ваши дамы и дѣвицы такъ добры и привѣтливы, что даже глупый человѣкъ въ ихъ обществѣ поумнѣетъ, а всякому другому не захочется разстаться съ ними ни на минуту: такой хорошій народъ!.... А насчетъ шарріата я тебѣ скажу то, что прежде говорилъ: онъ запрещаетъ все хорошее и позволяетъ все дурное...

(*) «Есть», по кумыкскп, «варъ» (нѣкоторыя племена на Кавказѣ выговариваютъ «баръ»). Слово дуръ, произнесенное отдѣльно, выражаетъ подтвержденіе чьихъ нибудь словъ: «да», «такъ» и т. п. Приставленное же къ другому слову, оно получаетъ значеніе французскаго вспомогательнаго глагола *est*: «яхши-дуръ» — хорошо; «яманъ-дуръ» — дурно, и т. д. Иногда дуръ обращается въ туръ: «Абадзехъ-туръ» — Абадзехъ; іохъ-туръ — нѣтъ, и т. п.

(**) «Имамъ позволеніе далъ».

(***) «Ей-Богу».

Мюридъ говорилъ эти въ ужасъ приводящія слова безъ всякаго жеманства, безъ всякаго желанія пошеголять своимъ невѣрiемъ: онъ говорилъ ихъ просто, съ видомъ глубокаго убѣжденiя, ясно отражавшагося на его выразительномъ лицѣ и въ его умныхъ глазахъ. Мнѣ кажется, еслибъ можно было услышать такой же задушевный отзывъ еще отъ нѣсколькихъ человѣкъ, подобныхъ нашему Хаджію, то нѣтъ сомнѣнiя, что дѣйствiя зарождающагося общества возстановленiя христіанства на Кавказѣ не встрѣтятъ на своемъ пути препятствiй неодолимыхъ, а, напротивъ, можно смѣло ожидать, что успѣхи его будутъ скоры и удовлетворительны. Иго шарріата, двадцать-семь лѣтъ давившее своюю тяжестью горцевъ, двадцать-семь лѣтъ отнимавшее у нихъ средства къ самосознанію и притуплявшее всякія человѣческія чувства, теперь кончилось. Оно до такой степени опротивѣло имъ, что больше, конечно, не повторится. Изъ-подъ этой-то эгиды и выйдетъ множество людей, подобныхъ нашему Хаджію. Въ ней-то и заключается главнѣйшимъ образомъ залогъ будущихъ успѣховъ нашихъ духовныхъ миссiй на Кавказѣ...

— Такъ хорошимъ народомъ кажутся тебѣ Русскіе? спрашивалъ я Хаджію, въ заключеніе разговора о предстоящемъ ему наслажденiи.

Мюридъ долго не могъ отвѣтить на мой вопросъ: ему и хотѣлось сказать что-то, но видно было, что отъ внутренняго волненiя онъ совсѣмъ захлебывался.

— Валла!... заговорилъ онъ наконецъ, довольно безсвязно: — что за народъ!.... гамисэ (*) хорошій народъ!.... Аллахъ, Аллахъ! зачѣмъ въ горахъ говорили, что Русскіе нехорошій народъ!...

Однимъ словомъ, Хаджію былъ совершенно счастливъ тѣмъ, что имѣлъ возможность безъ особеннаго труда удовлетворять потребностямъ своей переродившейся, почти совсѣмъ обрусѣвшей природы. Но... «на счастье прочно всякъ надежду кинь»... Слишкомъ легкіе успѣхи усыпили обычную осторожность мюрида: въ доводахъ своихъ, которыми слѣдовало убѣдить Шамиля относительно того или другаго предмета, онъ сдѣлался однообразенъ; а, между тѣмъ, волосы на его головѣ росли не по днямъ,

(*) «Гамисэ» — «всѣ до одного», «безъ исключенiя».

а по часамъ, и съ каждымъ днемъ становились все длиннѣе и длиннѣе; отъ этихъ волосъ разносился какой-то запахъ, дѣйствительно, пріятный, но, тѣмъ не менѣе, никогда не разносившійся въ жилищѣ Шамиля и никогда не поражавшій его обонянія прежде. Подобный же запахъ исходилъ и отъ мюридова платка, который изъ маленькой дырявой и никуда не годной ветошки, завезенной имъ съ Гуниба, въ одинъ прекрасный день, превратился въ большой кусокъ чудеснаго батиста. Такая же метаморфоза ежедневно происходила и съ его часовой цѣпочкою: мѣдная, черная за обѣдомъ, къ вечеру она превращалась въ блестящую массивную цѣпь, сдѣланную изъ настоящаго золота «алтунъ», а не изъ того, которое называется «самоваръ - золото». Стройная фигура Хаджіо, повидимому, была облечена, совершенно во вкусѣ шарріата, въ заплатанный, затасканный, изодранный ахалукъ; но, какъ ни старался владѣлецъ его подбирать въ виду Шамиля свои лохмотья, сквозь дырявыя мѣста этого отрепья довольно ясно просвѣчивался другой ахалукъ, темно-краснаго цвѣта, густо обшитый золотымъ галуномъ, атласный, великолѣпный. Въ довершеніе всего, обѣ руки Хаджіо украсились браслетами, а на одномъ изъ его пальцевъ появилось «колечко съ сердечкомъ, пронзеннымъ стрѣлой».

Столь радикальное преобразование въ наружности Хаджіо дѣлало его совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Превращенія этого могъ не замѣтить только слѣпой, да еще Шамиль, занятый дѣлами совсѣмъ инаго міра. Но и онъ, сидя за обѣдомъ, нерѣдко начиналъ водить носомъ по воздуху, замѣчая въ немъ какую-то особенность, не имѣвшую ничего общаго съ запахомъ подаваемыхъ блюдъ. Вначалѣ онъ обратился съ своимъ недоумѣніемъ къ Хаджіо, который для перваго раза разрѣшилъ его довольно неудачно, сославшись на какой-то, впрочемъ, превкусный, соусъ. Подозрительный взглядъ и легкое покачиванье головою показали ему, что онъ хватилъ ужъ слишкомъ далеко: бѣдный мюридъ покраснѣлъ до ушей и до того потерялся, что чуть-чуть не выдалъ себя головою. Дѣло было плохо: харамъ, «зло», обуявшее его съ головы до ногъ, совсѣмъ готово было обнаружиться, а при томъ не замедлили бы обнаружиться и послѣдствія столь ужаснаго открытія. Богъ знаетъ, какую форму приняли бы они въ Калугѣ; но достовѣрно то, что еслибъ открытіе это было сдѣлано годъ тому назадъ, въ Виденѣ, то глава благообразнаго

Хаджіо неотмѣнно подлежала бы усѣкновенію. Да и теперь положеніе его требовало поспѣшной помощи. Встрѣтивъ влажный умоляющій его взглядъ, я обратился къ Шамилю и тотчасъ же объяснилъ, что замѣченный имъ харамъ исходитъ не отъ соуса, а отъ моего платка. Собесѣдникъ мой успокоился и только спросилъ, изъ чего «это» дѣлается, а потомъ, узнавъ, изъ чего, выразилъ искреннее сожалѣніе, что такой хорошій народъ, какъ Русскіе, оскверняютъ себя такими вредными веществами, каковъ, напримѣръ, спиртъ.

Выраженію благодарности Хаджіо не было конца. Тѣмъ не менѣе, этотъ и многіе другіе случаи не обратили его къ прежней осторожности.

Однажды всѣ мы трое были на именинномъ вечерѣ у предводителя калужскаго дворянства, г. Шукина, представляющаго собою именно то исключеніе, о которомъ было сказано выше, но разъясненіе котораго послѣдуетъ все-таки ниже. Въ продолженіе всего вечера, Шамиль находился подъ вліяніемъ самыхъ пріятныхъ впечатлѣній, которыхъ не могли отравить ни продолжительность непривычнаго бдѣнія, ни музыка и танцы, ни присутствіе множества прекрасныхъ враговъ его, одѣтыхъ *décolté*. Онъ сидѣлъ въ переднемъ концѣ танцевальной залы, съ маленькимъ сыномъ хозяина на колѣняхъ, и съ величайшимъ вниманіемъ слѣдилъ за тѣмъ, чтó передъ нимъ происходило. Всмотриваясь тогда въ его фізіономію и слушая, съ какою искренностію хвалилъ онъ наши общественныя развлечения, я серъзно начиналъ раздумывать о возможности акклиматизаціи этого дѣвственнаго кавказскаго растенія въ нашемъ суровомъ климатѣ, на нашей отошавшей почвѣ. Нелѣпность такого предположенія теряла до нѣкоторой степени этотъ характеръ въ то время, когда, возвращаясь, въ два часа ночи домой, я услышалъ новую похвалу нашей общественной жизни и потомъ вопросъ: будутъ ли такіе вечера и впослѣдствіи? Утвердительный отвѣтъ, повидимому, былъ очень пріятенъ Шамилю; но вдругъ Хаджіо, озаренный счастливою мыслью обратить настроеніе это въ свою пользу, а можетъ быть, просто, желая выразить собственныя впечатлѣнія этого вечера, обратился къ нему съ замѣчаніемъ на счетъ нѣкоторой невѣрности въ «нашихъ» книгахъ, обѣщающихъ кучу непріятностей мусульманину, который только явится въ домъ нечестія, не говоря уже объ участіи его въ забавахъ.

— А вотъ, слава Аллаху, заключилъ Хаджіо:—потолки на насъ не обрушились, и мы до сихъ поръ здравы и невредимы.

Шамиль ни слова на это не отвѣтилъ. Онъ только метнулъ своимъ взглядомъ, и блескъ свѣтившей впереди насъ луны сообщилъ ему еще больше выразительности. Мюриду сдѣлалось какъ будто очень неловко; но, сообразивъ, вѣроятно, что это было въ Калугѣ, а не въ Дарго, онъ скоро успокоился.

Однако, съ этихъ поръ Хаджіо пересталъ уже помышлять о «фурманѣ». Въмѣсто того, онъ съ особеннымъ усердіемъ принялся за книги: читалъ ихъ самъ, слушалъ чтеніе и толкованія Шамиля или помогалъ ему дѣлать нужныя въ нихъ справки. Конечно, ничѣмъ другимъ не могъ онъ угодить ему такъ, какъ подобнымъ стремленіемъ. Но Хаджіо этимъ не ограничивался: выказывая симпатію къ дѣлу, на которомъ сосредоточивалась вся жизнь Шамиля, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, окружилъ его самыми нѣжными, сыновними попеченіями. Результаты этихъ дѣйствій не замедлили обнаружиться въ весьма непродолжительномъ времени: Шамиль не только позабылъ о вольнодумствѣ мюрида и о поднесенной имъ пилюлѣ, но и въ обращеніи своемъ началъ выказывать ему еще больше довѣрія, еще болѣе ласки.

Такой оборотъ дѣла въ особенности былъ пріятенъ для меня: добрыя отношенія между бывшимъ имамомъ и его мюридомъ необходимы были, между прочимъ, для того, чтобъ устранить изъ нашихъ бесѣдъ принужденность, конечно, въ первое время, почти неизбежную, но, во всякомъ случаѣ, обременительную для обѣихъ сторонъ. Между тѣмъ, при условіи противоположномъ, бесѣды наши должны быть не только разнообразны, но и пріятны для главнаго и самаго интереснаго изъ собесѣдниковъ. Такъ, дѣйствительно, это было съ самаго начала нашихъ сношеній, такъ оно ведется и теперь, когда время разъяснило Шамилю наши взаимныя отношенія и тѣмъ самымъ сдѣлало отъѣздъ мюрида на Кавказъ не столь ощутительнымъ собственно для меня. Во всякомъ случаѣ, Хаджіо былъ главнымъ дѣятелемъ въ достиженіи указанной правительствомъ цѣли: «удалить отъ Шамиля всякое, самое ничтожное стѣсненіе».

Не менѣе дѣятельное участіе принималъ мюридъ и въ нашихъ бесѣдахъ: искусно сдѣланный имъ оборотъ въ разговорѣ, иногда самымъ обыкновеннымъ, наводилъ Шамиля на воспоминанія о дѣлахъ давно или недавно минувшихъ дней, и онъ съ видимымъ

удовольствіемъ передавалъ намъ все, что хранилось въ его необыкновенной памяти. Избѣгалъ онъ только разсказовъ о собственныхъ подвигахъ и если ужъ непременно приходилось говорить о нихъ, тогда онъ возлагалъ эту обязанность на Хаджію (впослѣдствіи на сыновей), а самъ только подтверждалъ или отрицалъ сообщенные ими факты. Интересно было смотрѣть, въ это время, на него, смущеннаго, словно юноша на первомъ свиданіи: каждый свой подвигъ, каждый фактъ, выставившій его личность въ выгодномъ свѣтѣ, онъ старался ослабить въ значеніи, истолковать самымъ обыкновеннымъ явленіемъ, или сложить съ себя главную заслугу и приписать ее кому нибудь другому. И сколько наивной, чисто-дѣтской скромности заключается въ словахъ, которыми почти всегда сопровождаются подобныя отговорки!

— Нѣтъ, возражалъ онъ, съ замѣтною несвязностію: — это такъ.... Богу было угодно — оно такъ и случилось.... Но я не знаю, зачѣмъ объ этомъ говорить: это такое мелкое дѣло, что не стоитъ и поминать о немъ....

Скромность эта много мѣшала мнѣ выслѣдить надлежащимъ образомъ подробности прежней жизни Шамиля, которыми она, должно быть, очень богата. Къ сожалѣнію, недостатокъ этотъ долженъ отразиться и на будущей біографіи знаменитаго горца.

Другое дѣло—его политическая дѣятельность: здѣсь онъ былъ, какъ это, по крайней мѣрѣ, мнѣ кажется, вполне откровененъ. Подкрѣпляя достовѣрность однихъ фактовъ болѣе или менѣе убѣдительными доводами, онъ предоставлялъ подтвержденіе другихъ, способныхъ показаться голословными, населенію покореннаго края, гдѣ еще такъ много есть людей, хорошо знакомыхъ и съ личностію Шамиля и со всѣми его дѣйствіями.

Все это заключаетъ въ себѣ очень много интереса, и я приведу теперь подробности нашихъ бесѣдъ, до времени пріѣзда въ Калугу семейства плѣнника. Начну съ военныхъ средствъ, способствовавшихъ Шамилю къ защитѣ края. Статья, помѣщенная во 2 № «Сборника», была закончена литьемъ артиллерійскихъ орудій; теперь мы будемъ говорить о производствѣ пороха.

Во всѣхъ обществахъ Дагестана, признававшихъ власть Шамиля, не было деревни, въ которой не выдѣлывали бы пороха сами жители для собственнаго употребленія и очень рѣдко для продажи своимъ болѣе лѣнивымъ односельцамъ.

Чеченцы, за весьма немногими исключениями, не умѣли выдѣлывать пороха; поэтому они вымѣнивали его у Дагестанцевъ, отдавая за одинъ патронъ пороха двѣ пули.

Употребляемый въ Дагестанѣ способъ выдѣлки пороха можно назвать первобытнымъ: въ каждомъ аулѣ, на площади, служащей жителямъ сборнымъ пунктомъ для торга, мѣны и джигитовки, всегда есть подлѣ мечети огромный камень, съ выдолбленною въ срединѣ его довольно глубокою ямою, такъ что онъ представляетъ собою грубо сдѣланную ступку. Каждый горецъ, нуждаясь въ порохѣ, беретъ нужные для того матеріалы, кладетъ ихъ въ общественную ступку, придвигаетъ къ ней другой камень и, укрѣпивъ на немъ рычагъ, приводитъ его, съ помощію товарищей, въ движеніе.

Рычагъ этотъ есть длинный деревянный брусъ, къ верхнему концу котораго придѣланъ деревянный же пестъ. При дѣйствіи рычага, этотъ пестъ раздробляетъ селитру, сѣру и уголь и обрабатываетъ ихъ наконецъ въ порошокъ. Черезъ вспыскиванія водою, порошокъ обращается въ тѣсто, которое перекладываютъ въ мѣшокъ, сшитый изъ невидѣланной кожи. Усиліями нѣсколькихъ человѣкъ, мѣшокъ этотъ приводится въ быстрое движеніе, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока изъ тѣста не образуются зерна. Тогда ихъ пересыпаютъ въ рѣшето и просѣиваютъ; послѣ чего они обращаются въ зерна болѣе мелкія, которыя и составляютъ порохъ, окончательно готовый. Остающееся въ рѣшетѣ тѣсто выкладывается обратно въ мѣшокъ и снова подвергается трясенію.

Приготовленный посредствомъ такого процесса порохъ имѣетъ форму чрезвычайно разнообразную и цвѣтъ буро-зеленый, при небольшой сырости подвергается порчѣ, а при сожженіи оставляетъ послѣ себя много копоти. Полировка пороха горцамъ не извѣстна; составныя его части не всегда кладутся въ надлежащей пропорціи. Отъ этого выдѣлываемый ими порохъ не имѣетъ ни опредѣленной формы, ни должной прочности и вообще рѣдко бываетъ хорошаго качества.

Выдѣлка пороха, въ большихъ размѣрахъ, производилась, въ послѣднее время, на трехъ заводахъ: въ Гунибѣ, Унцукулѣ и въ Веденѣ. Четвертый заводъ находился въ прежней резиденціи Шамиля — Дарго; но заводъ этотъ, вмѣстѣ съ ауломъ, раззоренъ княземъ Воронцовымъ, въ 1845 году.

Веденскимъ пороховымъ заводомъ управлялъ тотъ же Джаб-

раиль-Хаджіо, который распоряжался и литьемъ орудій. Устройство и выдѣлка пороха производились подъ его личнымъ надзоромъ и руководствомъ.

Веденскій пороховой заводъ былъ ничто иное, какъ длинный деревянный двухъ-этажный сарай, верхній этажъ котораго составляла мельница съ деревянными жерновами, приводимыми въ движеніе водою, изъ нарочно проведенной чрезъ заводъ канавы. На протяженіи двухъ длинныхъ фасовъ нижняго этажа были установлены 24 каменные ступы, по 12 съ каждаго фаса. При этихъ ступахъ были устроены рычаги съ тяжелыми деревянными пестами, обитыми листовою мѣдью. Рычаги приводились въ движеніе тоже посредствомъ водяныхъ приводовъ.

Сѣра, селитра и уголь, истертые мельничными жерновами, переносились внизъ, въ каменные ступы, гдѣ, посредствомъ рычаговъ, окончательно обращались въ мякоть. Тогда ее вынимали изъ ступъ, вспрыскивали водою и клали въ длинныя большія деревянные бочки, которыя послѣ этого катали въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ. Мякоть разбивалась на зерна; зерна пересыпали въ рѣшета, устроенныя въ особыхъ каморкахъ, здѣсь же, внутри сарая. Просѣянные зерна составляли готовый порохъ, а оставшіяся въ рѣшетахъ обращались въ бочки и снова подвергались катанію.

Приготовлявшійся на заводахъ порохъ очень немногимъ отличался отъ того, который выдѣлывается частными людьми, и въ качествѣ своемъ нерѣдко бывалъ ниже его.

Заводскій порохъ отпускался только мюридамъ, окружавшимъ Шамиля, и жителямъ собственно Веденскаго аула. Кромѣ того, Шамиль разсылалъ порохъ къ своимъ наибамъ, для раздачи состоявшимъ при нихъ мюридамъ.

Весь процессъ выдѣлки пороха продолжался пять дней, въ теченіе которыхъ приготовлялось пять сабу пороха (*).

Вокругъ зданія завода было нѣсколько отдѣльныхъ построекъ меньшихъ размѣровъ, служившихъ для склада пороха и сырыхъ матеріаловъ, а также для жительства заводскимъ надзирателямъ и сторожамъ.

(*) Единницею мѣры вмѣстимости, въ Аваріи, принимается пригоршня—«мудъ». Четыре муда составляютъ «сахъ», пять сахъ—«кали» (по аварски), или «сабу» (по кумыкски). Рассчитывая эту мѣру на вѣсъ и принимая пригоршню за одинъ фунтъ, окажется, что веденскій заводъ давалъ ежегодно около 190 пудовъ пороха.

Невдалекѣ отъ заводскихъ строеній стояла казарма для рабочихъ; немного дальше—кварталь бѣглыхъ солдатъ холостыхъ. Семейные, принявшіе исламъ, жили своими домами отдѣльно. Самый заводъ отстоялъ только на пистолетный выстрѣлъ отъ жилища Шамиля и отдѣлялся отъ него глубокою балкою (оврагомъ).

Богатыя мѣсторожденія сѣры находятся въ окрестностяхъ Черката, Шубута и Кикюна, а также и въ горахъ хребта Арактау. Каждый желающій могъ брать ее сколько угодно. Для пороховыхъ заводовъ она добывалась и доставлялась жителями названныхъ мѣстъ. Обязанность эту Шамиль возложилъ на нихъ вмѣсто военной повинности.

Потребная для производства пороха селитра доставлялась на заводы жителями пяти деревень: Т'лохъ и Муно-Хиндаляльскаго общества; Гунибъ, Оточъ и Хиндакъ—Андаляльскаго общества. Всѣ эти люди — лучшіе во всемъ Дагестанѣ работники для тяжелыхъ земляныхъ работъ, но совершенно не способны къ военному дѣлу. Съ незапамятныхъ временъ занимаются они производствомъ селитры, довольствуя ею весь немирной край и получая чрезъ то средства къ жизни. Условія, на которыхъ доставляли они селитру Шамилю, были очень выгодны: кромѣ освобожденія отъ военной повинности, они еще получали изъ общественной казны по полтора рубля въ годъ на каждое семейство. Если жъ обязательнаго количества селитры оказывалось недостаточнымъ, то имъ выдавалась изъ той же казны особая плата по условію. Но въ случаѣ противоположномъ, то есть, когда селитры на заводахъ было такъ много, что недостатка въ ней не предвидѣлось на долгое время, тогда производителей ея требовали на войну, въ качествѣ землекоповъ. Въ послѣднее время, они были собраны въ Гунибъ, гдѣ произвели всѣ работы по укрѣпленію его.

Изъ артиллерійскихъ снарядовъ у Шамиля отливались ядра и гранаты (въ Веденѣ, Чохѣ и Сугратѣ). Послѣднія имѣли только форму гранаты; снаряжались онѣ рѣдко, а снаряженные—еще рѣже разрывались. Поэтому производство ихъ впослѣдствіи оставлено.

Столь же неудачно приготавливались ракеты. Все это происходило, конечно, отъ неумѣнья горцевъ обращаться съ дѣломъ, которое они изучали нагляднымъ образомъ отъ нашихъ бѣгле-

цовъ, и потомъ, приглядѣвшись мало-мальски къ ихъ пріемамъ, обыкновенно, спѣшили удалить своихъ учителей.

Отливкою, или, вѣрнѣе, переливкою ядеръ занималось нѣсколько мастеровъ и между ними знакомецъ нашъ, пресловутый Хидатлі-Магома, предложившій Шамилю обзавестись кожанною артиллерією. Потребнаго для ядеръ металла горцы у себя не имѣли, а употребляли для этого наши ядра и гранатныя осколки, которыми поля и лѣса немирнаго края весьма изобиловали. Собираніемъ ихъ горцы занимались съ большою охотою, находя въ этомъ и пользу и удовольствіе. Обыкновенно, собранныя ядра доставлялись мѣстному наibu, который выдавалъ за нихъ или деньги (если ядра доставлены были въ большомъ количествѣ), или порохъ. Последній способъ уплаты горцы (преимущественно Чеченцы) предпочитали первому. Сборомъ ядеръ горцы занимались не только по окончаніи сраженія, но и во время его: замѣтивъ катящееся ядро, они бросались на него иногда цѣлою толпою. Каждый изъ нихъ, желая овладѣть этою добычею раньше другаго, старался всѣми силами остановить ядро. Нерѣдко случалось, что ядро оказывалось гранатою, которую тутъ же разрывало, и смѣлые охотники приплачивались иногда за свою охоту жизнью. Но это нисколько не останавливало другихъ любителей этой неизвѣстной еще Европейцамъ охоты.

Переливка ядеръ производилась посредствомъ формъ совершенно такъ, какъ льются пули. На одной сторонѣ ядра клалось клеймо съ именемъ Шамиля (Шамуиль), а на другой — съ изреченіемъ: «да возвеличитъ Господь славу его (Шамиля) на многія лѣта».

Выроставшія на поляхъ горцевъ ядра имѣли, кромѣ описаннаго, еще другое примѣненіе: изъ нихъ выдѣлывались для лошадей подковы. Этимъ досужествомъ занимались преимущественно жители Куяды, усвоившіе себѣ еще производство принадлежностей для фабрикаціи фальшивой монеты (золотой). Подковы Куядинцовъ (*) славятся такою же добротою, какъ и монета, выходящая изъ-подъ ихъ аппаратовъ: сынъ Шамиля, Магометъ-Шеффи, проѣзжая изъ аула Анди въ Т'лохъ (около ше-

(*) По произношенію Шамиля, выходитъ не «Куядинцовъ», а «Куадалинцовъ», отъ слова «Куадали» — Куадалинскій (Куядинскій). Собственное же имя селенія онъ выговариваетъ «Куядà», какъ оно значитъ и на нашихъ картахъ.

стидесяти верствъ), переѣнилъ на этомъ пространствѣ пять подковъ, которыя всѣ оказались чугунными. Промышленность эта весьма прибыльна, потому что за четыре подковы и двадцать-четыре гвоздя (по шести на каждую ногу), составляющихъ полный приборъ для горскойковки, обыкновенно, платится отъ 20 — 60 к. сер., тогда какъ за ядро платятъ не свыше десяти копѣекъ.

Ручное холодное оружіе изготовлялось, по мѣрѣ надобности, частными людьми. Отдѣльныхъ же, сколько нибудь замѣчательныхъ заведеній этого рода совсѣмъ не было; а большею частію горцы дѣйствовали противъ насъ тѣмъ оружіемъ, которое переходило изъ рода въ родъ. Мастера Базала-отца, искусству котораго мы приписываемъ самое лучшее въ горахъ оружіе, давно нѣтъ; но за то есть цѣлая деревня Базалаевъ. Ихъ много есть и въ другихъ обществахъ. Всѣ они выставляютъ на своихъ издѣліяхъ одно имя: «Али», т. е. Базала-отецъ.

Употребляемое горцами ручное оружіе огнестрѣльное большею частію крымской или турецкой работы. Но у нихъ есть много и своихъ мастеровъ, между которыми особенною извѣстностію пользуется все тотъ же Хидатли - Магома, дѣлавшій не только превосходные пистолеты, но даже штуцера, и «хотѣвшій» сдѣлать револьверъ по образцу того, который достался по праву войны сыну Шамиля, Гази-Магомету. Однако, намѣреніе это, за взятіемъ послѣдняго въ плѣнъ, не состоялось.

Пули собственно горскаго издѣлія, называемыя *аварскими*, отливались изъ мѣди, съ примѣсью олова. Свинцовыя пули переливались изъ русскихъ, добывавшихся такимъ же способомъ, какимъ добывался чугунъ для ядеръ. Кромѣ того, Шамиль «разрѣшилъ» покунку свинца у мирныхъ горцевъ, — конечно, тайнымъ образомъ. Но за то онъ запретилъ добывать свинецъ, содержащійся въ одной изъ горъ Ункратля. Причину этого онъ объяснилъ мнѣ по поводу предложеннаго мною однажды вопроса: справедливъ ли слухъ, доходившій до меня въ бытность на Кавказѣ, что будто, въ одно время, въ его горахъ нашли серебряно-свинцовую руду; но когда ему сказали о ней, то онъ запретилъ не только разрабатывать ее, но даже и говорить объ ея существованіи, изъ опасенія, чтобы слухъ о томъ не дошелъ до Русскихъ и не побудилъ бы ихъ къ какимъ нибудь энергическимъ противъ него дѣйствіямъ?

Вотъ отвѣтъ Шамиля:

Слухъ о присутствіи въ горахъ серебра ходилъ въ народѣ давно; но онъ распространился съ болѣею силою въ то время, когда принесли Шамилю кусокъ свинцовой руды, и онъ, замѣтивъ въ ней присутствіе серебра, велѣлъ привезти къ себѣ нѣсколько вьюковъ руды, чтобъ имѣть возможность судить о фактѣ съ болѣею вѣроятностію. Удостоверившись, чрезъ выплавку, въ дѣйствительномъ существованіи этого металла, Шамиль тотчасъ же запретилъ разрабатывать руду,—но не для того, однако, чтобы скрыть ее отъ Русскихъ, а собственно потому, что у горцевъ не было ни средствъ къ обработкѣ, ни умѣнья; а главное—чтобы народъ не употребилъ бы во зло дозволенія свободно разрабатывать руду и, бросившись съ жаромъ на это дѣло, не оставилъ бы для него защиты края и хлѣбопашества. Кромѣ того, къ этой мѣрѣ Шамиль былъ побужденъ еще и такимъ предположеніемъ: что если разработка руды удастся горцамъ вполнѣ, и онъ будетъ имѣть возможность чеканить своѳю собственную монету (чего ему очень хотѣлось), то, по всей вѣроятности, она не принималась бы Русскими и, въ такомъ случаѣ, составила бы почти мертвый капиталъ. Съ другой стороны, еслибъ монета и имѣла бы обращеніе между Русскими, то непременно послужила бы поводомъ къ водворенію въ народѣ роскоши и къ развращенію нравовъ; а этого онъ въ особенности опасался, основывая прочность своей власти на спартанскомъ образѣ жизни горцевъ и считая этотъ послѣдній однимъ изъ главныхъ средствъ къ противодѣйствию Русскимъ. Въ устраненіе всякихъ недоразумѣній по поводу разработки серебра, Шамиль запретилъ брать и свинецъ.

Въ заключеніе, собесѣдникъ мой упомянулъ о безтолковщинѣ, существующей въ Дагестанѣ относительно названій различныхъ мѣстностей. И, дѣйствительно, очень можетъ случиться, что не узнаешь названія нужнаго пункта даже и въ то время, когда дойдешь до него. Такъ, напримѣръ, гора, въ которой содержится серебро-свинцовая руда, называется *Хонотль-дагъ*, по имени деревни *Хонотль*, расположенной съ одной стороны горы, именно со стороны Дарго. Такъ называютъ ее самъ Шамиль и всѣ горцы, живущіе по эту сторону Хонотля. Между тѣмъ, Хаджіо

и сынъ Шамиля Гази-Магометъ зовутъ ее *Кхеды-меэръ* (*), по имени деревни Кхеды, расположенной съ противоположной стороны, отъ Караты.

— Много у насъ такихъ безпорядковъ, говорилъ Шамиль, оканчивая этотъ разговоръ: — въ однихъ виноваты горцы и ихъ характеръ, въ другихъ—я самъ, потому что, при всемъ желаніи добра, я не зналъ много такого, что было бы полезно странѣ и народу. Наконецъ виновата была и война, при которой невозможно было заняться чѣмъ либо другимъ.

Въ подтвержденіе своихъ словъ, онъ привелъ то обстоятельство, что, при всемъ великомъ изобиліи въ горахъ желѣза, горцы должны были приобрѣтать его отъ Русскихъ: недостатокъ времени съ одной стороны, а невѣжество населенія и его предводителя съ другой составляли, можно сказать, естественное препятствіе для разработки богатыхъ рудъ въ горахъ—близъ Веденя, около прежней его резиденціи, Дарго и въ другихъ мѣстахъ. На все на это не было обращено ни малѣйшаго вниманія, такъ же точно, какъ и на каменный уголь, богатые мѣсторожденія котораго находятся въ окрестностяхъ Веденя, преимущественно по берегамъ рѣки Хулхулу. Объ этомъ послѣднемъ продуктѣ Шамиль даже отозвался такимъ образомъ, что о существованіи его онъ скорѣе слышалъ, нежели знаетъ навѣрное. Изъ этого можно заключить, что едва ли ему извѣстно и употребленіе каменнаго угля.

Вотъ всѣ матеріальныя средства, которыми могъ располагать Шамиль для защиты края противъ непріятеля несравненно сильнѣйшаго. Теперь послушаемъ, что говоритъ Шамиль о существовавшей въ горахъ торговлѣ, которая имѣетъ столь сильное вліяніе на всѣ дѣла страны, въ какихъ бы условіяхъ послѣдняя ни находилась.

Разговоръ о торговлѣ завязался по поводу посѣщенія калужскаго градскаго главы. Такъ точно составлялись наши бесѣды и по всѣмъ другимъ предметамъ: пріѣдетъ къ Шамилю артиллерійскій офицеръ—онъ спрашиваетъ о нашей артиллеріи; явится солдатъ или крестьянинъ—онъ говоритъ о ручномъ оружіи, о низамѣ, или о хлѣбопашествѣ и о житѣ-бытѣ земле-

(*) «Дагъ» и «меэръ» означаютъ одно слово—«гора»; дагъ—слово кумыкское, а меэръ—аварское.

дѣльцевъ. Свиданія съ дворянами или съ членами разныхъ административныхъ учреждений вызывали его на разговоры о предметахъ, составляющихъ профессію тѣхъ, съ кѣмъ случалось ему бесѣдовать. Не мудрено, что, при посѣщеніи купца, любознательность его возбудила разговоръ о торговлѣ.

Однако, въ этотъ разъ нельзя было замѣтить, что Шамиль какъ-то особенно старается умѣрить свое любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто стѣсняется необходимостію высказать свой взглядъ на предметъ разговора. Онъ-таки и не высказалъ его въ присутствіи гостя, но за то, по окончаніи визита, самъ завелъ объ этомъ рѣчь.

Говоря по совѣсти, собесѣдникъ мой обнаружилъ младенческія понятія о торговлѣ. Какъ членъ семьи, называемой народомъ воинственнымъ, Шамиль смотритъ на торговлю съ весьма неблагоприятной точки зрѣнія, а на коммерческій процентъзираетъ, какъ на дѣло чисто противозаконное. Взглядъ этотъ вполне раздѣляется и всѣми горцами. Поэтому можно себя представить, въ какомъ застоѣ находилась у нихъ торговля.

Всѣ касающіяся до нея подробности переданы мнѣ Шамилемъ въ слѣдующемъ видѣ:

Привилегированнаго торговаго сословія не было во всемъ мирномъ краѣ; правилъ для производства торговли никакихъ не существовало, и гильдейскія повинности или какія либо иныя подати съ лицъ, занимавшихся торговлею, были неизвѣстны. Торговой полиціи тоже не было; а всякій споръ покупателя съ продавцомъ рѣшался по шарріату. Впрочемъ, это случалось очень рѣдко, только при особенной недобросовѣстности продавца; большею же частію все это кончалось полюбовною сдѣлкой: возвращеніемъ денегъ, переменною товара или добавленіемъ спорной части. Торговцы хорошо сознавали окружавшія ихъ невыгодныя условія и, вѣроятно по этому самому, и были очень добросовѣстны или, по меньшей мѣрѣ, уступчивы. Тѣмъ болѣе это было для нихъ возможно, что въ горахъ не существовало ничего определеннаго для обозначенія цѣнности товара: на всѣ продажи совѣмъ не было, а единицею для подобныхъ предметовъ принималась та же «саба», которою измѣрялись и тѣла сыпучія. Правда, что мѣрою протяженія служилъ собственный локоть продавца, но все-таки цѣнность покупаемыхъ предметовъ не извѣстна была потребителямъ. Обыкновенно, дѣло купли совершалось такимъ

образомъ: покупатель даетъ продавцу рубль или другую монету, и требуетъ нужнаго ему товара на эту сумму, не обозначая количества или мѣры: продавецъ знаетъ, сколько нужно отпустить, а если чего неостанетъ, можно прикупить въ другой разъ, соображаясь съ количествомъ товара, отпущеннаго за прежнія деньги.

Столь нехитрый процессъ торговли требовалъ, однако, отъ купцовъ того соображенія, которое у насъ называется «держать ушки на макушкѣ»: покупатели-горцы, опредѣляя цѣнность товаровъ по прежнимъ покупкамъ, не въ состояніи были разсудить, что цѣнность эта, отъ разныхъ причинъ, легко можетъ измѣняться. Поэтому ничего не было удивительнаго, если они ожидали, что предметы потребленія всегда должны держаться въ одной цѣнѣ. Имѣя это въ виду, торговцы находились въ необходимости, при первомъ же дебютѣ, назначить за свой товаръ такую цѣну, которая не могла бы ввести ихъ въ убытокъ, за всѣми перемѣнами ея въ мѣстахъ, откуда пріобрѣтаются предметы торговли.

При такихъ условіяхъ, продавцу, конечно, ничего не стоило сдѣлать небольшую уступку, прекращавшую споръ и избавлявшую его отъ всѣхъ невыгодъ суда и огласки.

Торговлею въ горахъ занимались одни туземцы. Ни Евреи, ни Армяне въ ней не участвовали: первыхъ въ горахъ совсѣмъ не было; а послѣдніе находились въ самомъ незначительномъ числѣ, и не иначе, какъ перебѣжчики или какъ плѣнные.

Занимавшихся торговлею горцевъ было очень немного, и они производили ее въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ: отъ 30 — 150 р. сер. годоваго оборота. Весьма немногіе изъ нихъ торговали на 1,000 р. сер. Эти считались милліонерами и были извѣстны въ цѣломъ краѣ; наконецъ, одинъ, именно Муса Казикумухскій, тотъ самый, которому Шамиль поручалъ сосчитать деньги, слѣдовавшія за выкупъ семействъ князей Чавчавадзе и Орбелиани, производилъ торговлю на сумму отъ 3,000 — 4,000 р. въ годъ, и то потому только, что получалъ отъ Шамиля заимообразно почти всю эту сумму, отпускавшуюся ему въ видахъ поощренія торговли.

Горскіе купцы несли повинности наравнѣ со всѣми и если не участвовали иногда въ военныхъ дѣйствіяхъ, то единственно по случаю экстренныхъ торговыхъ обстоятельствъ, требовав-

шихъ присутствія ихъ въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ сборныхъ пунктовъ. Призываемые каждый разъ къ Шамилю или къ ближайшему наibu для отвѣта о причинахъ небытности въ экспедиціяхъ, они всегда встрѣчали, въ этомъ случаѣ, снисходительность, которую, однако, впоследствии стали употреблять во зло, уклоняясь отъ военныхъ дѣйствій собственно для сохраненія жизни. Шамиль видѣлъ это, но, сознавая необходимость для края въ людяхъ коммерческихъ, смотрѣлъ на всѣ ихъ отступленія сквозь пальцы. Впрочемъ, возмездіе за это они получали непосредственно отъ своихъ одноплеменниковъ, которые особенно къ нимъ уваженія никогда не питали, справедливо считая ихъ эгоистами въ дѣлѣ, интересовавшемъ всю страну. По замѣчанію Шамиля, это самое равнодушіе, или родъ пренебреженія горцевъ къ людямъ, занимающимся торговлею, и было причиною неразвитія ея въ немирномъ краѣ. Изъ всѣхъ торговцевъ, одинъ только Муса Казикумухскій пользовался общимъ уваженіемъ, за свою безупречную честность, которая сдѣлала его извѣстнымъ не только Шамилю и его наibaмъ, но даже нѣкоторымъ кавказскимъ нашимъ начальникамъ. Этотъ Муса, торговавшій все время въ Веденѣ, при началѣ осады его, былъ выпровоженъ оттуда Шамилемъ въ совершенной цѣлости, какъ относительно личности, такъ и его имущества. Теперь онъ живетъ въ Казикумухѣ.

Потребные въ горахъ товары купцы пріобрѣтали въ русскихъ крѣпостяхъ и въ мирныхъ аулахъ, черезъ тамошнихъ жителей или же, по особеннымъ случаямъ, черезъ лазутчиковъ и парламентеровъ. Такъ, во время переговоровъ о выкупѣ семействъ князей Чавчавадзе и Орбеліани, Муса Казикумухскій, съ разрѣшенія нашихъ начальствъ, закупилъ въ Хасавъ-Юртѣ товаровъ болѣе, нежели на 3,000 р. Прочіе же торговцы добывали товаръ съ явною опасностію для жизни, пріѣзжая для этого въ мирные аулы и скрываясь въ домахъ своихъ родственниковъ до тѣхъ поръ, пока послѣдніе не кончатъ возложенныхъ на нихъ торговыхъ операций. Другихъ способовъ для закупки товаровъ горцы не имѣли.

Самое значительное развитіе торговли было болѣе замѣтно въ аулахъ, ближайшихъ къ нашимъ владѣніямъ, именно: въ Чохѣ, Буртунаѣ, Сугратлѣ, Араканахъ, Унцукулѣ и другихъ. Внутри же Дагестана и Чечни (за исключеніемъ аула Ведень) постоянной торговли никогда не было, а производилась она черезъ кочевыхъ

торгашей, имѣвшихъ великое сходство съ нашими коробочниками, или офенями: такъ же, какъ и эти послѣдніе, они разѣзжали по ауламъ на арбахъ, нерѣдко на выюкахъ, имѣя у себя товара, какъ сказано выше, на сумму отъ 30 — 150 р. Остановливаясь въ домахъ своихъ знакомыхъ, они проживали въ каждомъ аулѣ не болѣе четырехъ дней и потомъ ѣхали дальше, пока не распродавали всего товара.

Предметъ, требовавшій самага значительнаго оборота капиталовъ, былъ красный товаръ, и именно: ситець, бурметъ, парча и нанка. Фабричное сукно, употреблявшееся нѣкоторыми наибами и людьми богатыми, обыкновенно, покупалось, по мѣрѣ надобности, въ нашихъ крѣпостяхъ, черезъ лазутчиковъ.

Желѣзо составляло другой предметъ, находившій въ горахъ обширное примѣненіе. Всѣ выдѣлываемыя изъ него вещи: оружіе, хозяйственные, домашніе и полевые инструменты, выдѣлывались самими горцами, для чего, по большей части, употреблялось желѣзо, отбитое у насъ въ огромномъ количествѣ: въ Кизлярѣ — Гази-Магометомъ (Кази-муллою), въ Ичкеринскомъ лѣсу, въ 1842 г., въ Дагестанѣ въ 1843 г., и потомъ во многихъ другихъ мѣстахъ, при схваткахъ, менѣе извѣстныхъ. Этого желѣза было такъ много, что горцы рѣдко встрѣчали въ немъ недостатокъ. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, они покупали его въ нашихъ крѣпостяхъ вмѣстѣ со сталью, которой у нихъ совсѣмъ не было. За исключеніемъ топоровъ, подковъ и оружія, все наше дѣловое желѣзо горцы считали ничѣмъ инымъ, какъ сырымъ матеріаломъ, почему и подвергали всѣ достававшіяся имъ вещи передѣлкѣ сообразно своихъ потребностей. Эти потребности, за исключеніемъ оружія, ограничиваются семью предметами: ножъ, таганъ, топоръ, лопата, вертелъ, соха и серпъ: безъ нихъ хозяйство горца никакъ не можетъ обойтись. Всѣ эти предметы выдѣлывались и продавались на мѣстѣ и находили въ горахъ огромный сбытъ.

Вотъ все, что могъ сказать Шамиль о торговлѣ горцевъ: дальнѣйшіе мои распросы, невзирая на разносторонность ихъ, приводили только къ повторенію по частямъ того, что изложено выше, или же вызывали похвалу какимъ нибудь торговымъ мѣстностямъ, торговымъ лицамъ. Въ особенности Шамиль хвалитъ Мусу Казикумухскаго.

Но оставимъ навремя наши бесѣды и обратимся къ тому,

чѣмъ разнообразилась жизнь Шамиля, преисполненная пока грустнаго одиночества.

Въ числѣ немногихъ случаевъ, вызывавшихъ это разнообразіе, переѣздъ плѣнника въ приготовленный для него домъ сопровождался подробностями, не лишенными интереса.

Соблюдая обычай святой Руси, почти всѣ знакомые Шамиля, пріѣхавшіе поздравить его съ новосельемъ, привезли съ собою «хлѣбъ-соль», въ видѣ бабъ, тортовъ и сладкихъ пироговъ. У горцевъ есть обычай поздравлять знакомыхъ съ пріобрѣтеніемъ новой одежды, новаго оружія: это требуется правилами горскаго этикета и составляетъ признакъ благовоспитанности. Но относительно новоселья, кажется, обычая этого у нихъ не существуетъ, потому что Шамиль замѣтно былъ удивленъ и поздравительными фразами, и матеріальнымъ проявленіемъ чувствъ посѣтителей. Когда же ему растолковали значеніе нашего обычая, онъ тотчасъ же сообразилъ всю искренность выказанной ему симпатіи. Коротенькая рѣчь представителя калужскаго дворянства, г. Шукина, окончательно объяснила ему все все дѣло.

— Мы въ тебѣ чтимъ героя, говорилъ г. Шукинъ: — мы радуемся, видя тебя среди насъ, потому что это дастъ тебѣ возможность узнать и полюбить насъ, несмотря на то, что еще такъ недавно ты видѣлъ въ насъ своихъ враговъ. Мы отъ души желаемъ, чтобы, поживши съ нами, ты призналъ насъ лучшими своими друзьями.

Шамиль видимо былъ тронутъ этими словами. Онъ долго не могъ отвѣчать на нихъ, и нѣтъ сомнѣнія, что полнота чувствъ была тому причиной. Наконецъ онъ началъ говорить, и, сверхъ ожиданія, говорилъ голосомъ совершенно твердымъ. Вотъ смыслъ его отвѣта:

— У меня нѣтъ словъ, чтобы высказать вамъ то, что я чувствую, говорилъ онъ: — пріязнь и вниманіе пріятны для чловѣка, въ комъ бы онъ ни встрѣтилъ ихъ; но ваша пріязнь, послѣ того, какъ я вамъ сдѣлалъ такъ много зла — совсѣмъ другое дѣло: за это зло, вы, по справедливости, должны были растерзать меня на части; между тѣмъ, вы поступаете со мною какъ съ другомъ, какъ съ братомъ... Для меня это очень пріятно; но я не ожидалъ этого, и теперь мнѣ стыдно, я не могу смотрѣть на васъ прямо и всей душою былъ бы радъ, еслибъ могъ провалиться сквозь землю...

Шамиль былъ очень взволнованъ. Крайнее смущеніе отражалось на его лицѣ и въ глазахъ, которые на этотъ разъ, дѣйствительно, не могли выносить взгляда гостей, слѣдившихъ съ понятнымъ любопытствомъ за его рѣчью. Наконецъ слова г. Шукина нѣсколько успокоили его.

Голосомъ уже менѣ твердымъ, онъ выразилъ искреннее сожалѣніе, что не видитъ впереди возможности чѣмъ либо отблагодарить калужское общество за столь дружескій, великодушный пріемъ.

— Я каждый день молюсь за Государя, въ заключеніе сказалъ онъ: — теперь буду молиться и за васъ.

Вслѣдъ затѣмъ, подали чай, кофе и фрукты. Нѣкоторые изъ гостей пошли осматривать жилище Шамиля, а оставшіеся вели съ нимъ разговоръ обыкновеннаго содержанія.

— Довольны ли вы своимъ помѣщеніемъ? спрашивали у него.

— Я думаю, въ раю только такъ хорошо будетъ, отвѣчалъ онъ: — Государь столько оказалъ мнѣ милостей и такъ прекрасно меня устроилъ, что, право, кажется, какъ будто онъ дѣлалъ все это для своего сына, а не для меня.

Потомъ онъ началъ рассказывать о томъ, какой чудесный видъ изъ его квартиры, а особенно изъ верхняго этажа, какъ тепло и сухо въ комнатахъ и какъ удобно для него расположеніе дома. Однимъ словомъ, для полнаго его благополучія, ему недоставало только семейства. Вообще, изъ его словъ было видно, что онъ не воображалъ себѣ ничего подобнаго.

— Еслибъ я зналъ, что здѣсь мнѣ будетъ такъ хорошо, говорилъ онъ: — я бы давно самъ убѣжалъ изъ Дагестана.

Кто-то спросилъ его: «пошелъ ли бы онъ теперь воевать, или нѣтъ?»

Глаза Шамиля сверкнули; но лицо его озарилось самой добродушной улыбкой.

— Пошелъ бы! не запинаясь, отвѣчалъ онъ и потомъ прибавилъ: — только не на Кавказъ.

Спустя нѣсколько дней, Шамилю представлялся ротмистръ Ямбургскаго уланскаго полка Кардашевъ, проѣзжавшій чрезъ Калугу, въ отпускъ на родину, въ Джаробѣлоканскій округъ. Послѣ кратковременной бесѣды, г. Кардашевъ спросилъ Шамиля, не дастъ ли онъ ему какого нибудь порученія на Кавказъ.

— На Кавказъ у меня дѣла никакого нѣтъ, отвѣчалъ Ша-

миль:—но если кто обо мнѣ вспомнитъ или спроситъ, то скажи тѣмъ изъ нихъ, которые меня любятъ и уважаютъ, чтобъ они обо мнѣ не беспокоились: по милости Государя, я живу здѣсь какъ въ раю; вотъ, смотри на мой домъ и на все, что въ немъ есть: кромѣ того, что ты здѣсь увидишь, Государь устроилъ мою жизнь такъ хорошо, что я считаю себя совершенно счастливымъ, а теперь совѣтую всѣмъ, кто въ горахъ обо мнѣ думаетъ, подумать о себѣ и сдѣлать то, что нужно для ихъ спокойствія и счастья: скажи имъ, что въ войнѣ счастья нѣтъ; а еслибъ я зналъ, что есть такое счастье, какимъ я теперь пользуюсь, то давно бы ушелъ отъ тѣхъ адскихъ мученій, которыми терпѣлъ я въ Дагестанѣ....

Это было почти тоже самое, о чемъ, за нѣсколько дней передъ этимъ, Шамиль говорилъ своимъ гостямъ. Мнѣ кажется, трудно и даже невозможно сомнѣваться въ искренности его словъ. Тѣ, которые ихъ слышали, навѣрное, не имѣютъ этого сомнѣнія. И, въ самомъ дѣлѣ, не говоря уже объ удобствахъ, окружающихъ его калужскую жизнь, не касаясь множества другихъ выражений Монаршихъ щедротъ, стоитъ только вспомнить о приѣмѣ, сдѣланномъ Шамилю въ Россіи, въ Петербургѣ, наконецъ въ Калугѣ, — и всякое сомнѣніе сдѣлается неосновательнымъ.

Рѣчь Шамиля касается того періода гунибскихъ переговоровъ, когда, на первое предложеніе главнокомандующаго кавказскою арміею о сдачѣ, Шамиль, рѣшившійся умереть въ Гунибѣ, отвѣчалъ, подобно древнему римскому полководцу: «у меня есть еще въ рукахъ пашка —приди и возьми ее». Но я передамъ объясненіе Шамиля подробно, въ томъ видѣ и въ тѣхъ условіяхъ, которыми оно сопровождалось

Извѣстный читателямъ переводчикъ Грамовъ сказалъ, однажды за обѣдомъ, Шамилю о полученіи имъ за отличіе въ дѣлахъ противъ горцевъ слѣдующаго чина и шутя прибавилъ, что награду эту онъ получилъ, въ нѣкоторомъ родѣ, черезъ него.

Шамиль проздравилъ Грамова и замѣтилъ, что много есть въ Россіи людей, получившихъ награды черезъ него, и что теперь онъ самъ награжденъ, и, притомъ, больше всѣхъ.

— Вы получили свои награды за вашу честную службу, прибавилъ онъ:—а я за что получилъ свои?... Онъ задумался, и по лицу его можно было замѣтить, что онъ какъ будто чувствуетъ себя въ очень неловкомъ положеніи. Немного погодя, онъ опять

заговорилъ. Въ длинной рѣчи, онъ высказалъ взглядъ свой на все, что съ нимъ случилось, начиная отъ паденія Гунѣба и до настоящей минуты. Изъ всего этого ничто не кажется ему столь удивительнымъ и никакая «награда» столь существенною, какъ великодушнѣе, оказанное ему съ первой же минуты сношеній его съ нами. Такое дѣйствіе совершенно недоступно для его понятій, сложившихся подъ вліяніемъ ветхозавѣтнаго «око за око, зубъ за зубъ». Онъ не могъ постигнуть, какимъ образомъ, за дерзкія слова его отвѣта, главнокомандующій не выбранилъ его при первомъ свиданіи и не велѣлъ снять съ него голову. Вотъ подлинныя слова Шамиля;

— Когда я рѣшился исполнить желаніе моихъ женъ и дѣтей, умолявшихъ меня сдаться, и когда я шелъ на свиданіе съ сардаромъ (съ главнокомандующимъ), я былъ вполнѣ увѣренъ, что услышу отъ него такую рѣчь: «а что, донгузъ (*), гдѣ твоя шашка, которую ты предлагалъ мнѣ взять самому?» Ожиданіе этой встрѣчи тѣмъ болѣе терзало меня, что я вполнѣ сознавалъ себя достойнымъ такого оскорбленія, и потому я рѣшился заколотъ себя тотчасъ, какъ услышу его. Но когда мнѣ передали слова сардара, имѣвшія только дружескій смыслъ, я сначала не повѣрилъ своимъ ушамъ и, не ожидая ничего подобнаго, долго не могъ дать отвѣта, а когда заговорилъ, то часто путался и, кажется, совсѣмъ не хорошо говорилъ....

Этимъ объясняется замѣченная въ Шамилѣ, при первомъ свиданіи его съ главнокомандующимъ въ Гунѣбѣ, необыкновенная блѣдность лица и сбивчивость въ выраженіяхъ. Это же первое впечатлѣніе, въ совокупности съ тѣмъ, что онъ видѣлъ и испыталъ впослѣдствіи и что испытываетъ теперь, кажется, можетъ служить достаточнымъ ручательствомъ искренности чувствъ, которыя выражаетъ онъ въ разговорахъ съ своими собесѣдниками.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого объясненія, я былъ встревоженъ извѣстіемъ о болѣзни Шамиля. Мнѣ сказали, что онъ заболѣлъ внезапно и что болѣзнь началась обморокомъ. Это было передъ обѣдомъ. Я ужъ хотѣлъ было идти къ его постели, какъ самъ онъ вошелъ въ столовую, гдѣ я находился, и, на вопросъ мой о состояніи его здоровья, отвѣчалъ, что теперь онъ совершенно здоровъ и что я не долженъ тревожиться его болѣзнію,

(*) Донгузъ — свинья. Это самая обидная брань у горцевъ.

потому что она случается съ нимъ нерѣдко, и, притомъ, безъ всякихъ послѣдствій. Сядя за столъ, я спросилъ Шамиля, какая именно болѣзнь посѣщаетъ его. Подумавъ немного, онъ отвѣчалъ: «не знаю», и вслѣдъ затѣмъ занялся обѣдомъ съ такимъ вниманіемъ, которое отвергало всякую мысль о существованіи въ немъ какого либо физическаго разстройства. Между тѣмъ, нельзя было не замѣтить, что, удовлетворяя свой аппетитъ, Шамиль, въ то же время, обдумываетъ какую-то мысль. Это всегда обозначается у него особеннымъ озабоченнымъ выраженіемъ лица. Окончивъ кушать, Шамиль сказалъ: «У меня, дѣйствительно, есть одна болѣзнь; но она совершенно особенная, въ сравненіи съ другими человѣческими болѣзнями, и мнѣ кажется, что никто не повѣритъ ея существованію, а, напротивъ, всякій будетъ думать, что это притворство.» Потомъ, помолчавъ немного, онъ обратился ко мнѣ и прибавилъ: — «я думаю, и ты не повѣришь.»

Я отвѣчалъ возраженіемъ, имѣвшимъ тотъ смыслъ, что, по волѣ Провидѣнія, на свѣтѣ есть много такихъ чудесъ, которыхъ до сихъ поръ не могутъ объяснить ни высокій умъ человѣка, ни совершенство его земныхъ знаній; что перстъ Божій отмѣчаетъ этими чудесами по большей части только такихъ людей, которые вышли изъ общаго круга и сдѣлались по чему либо извѣстными всему міру, и что, наконецъ, я лично буду вѣрить болѣзни моего собесѣдника, не потому только, что онъ принадлежитъ именно къ числу этихъ людей, но еще и потому, что всегда зналъ его человѣкомъ правдивымъ, который не захочетъ солгать ни для спасенія души своей.

Монологъ этотъ я высказалъ съ цѣлью вызвать Шамиля на подробное объясненіе того факта, который, какъ мнѣ казалось, извѣстенъ подъ именемъ его шарлатанства, производившаго такое сильное впечатлѣніе на легковѣрные умы горцевъ. Внезапная болѣзнь, начавшаяся обморокомъ и не имѣвшая никакихъ послѣдствій, особенныя, нѣсколько тревожныя приготовленія къ излагаемому ниже разсказу и предисловіе относительно неправдоподобія болѣзни въ мнѣніи людей ясно говорили, что я не ошибаюсь въ своемъ предположеніи и что, дѣйствительно, попалъ на слѣдъ интересной тайны, которая до сихъ поръ извѣстна была намъ только по слуху.

Замѣтивъ, что рѣчь моя ему очень понравилась, я сдѣлалъ

два вопроса: какіе симптомы его болѣзни, и почему онъ думаетъ, что никто не повѣритъ ея существованію?

Отвѣчая на это, Шамиль говорилъ очень долго, сопровождая слова свои выразительными и очень натуральными жестами, окончательно склонявшими довѣріе слушателей на сторону оратора. Сущность его рѣчи заключалась въ слѣдующемъ:

Когда кто нибудь изъ знакомыхъ ему людей имѣетъ до него важную или экстренную надобность, побуждающую его искать съ нимъ свиданія, и онъ отправляется уже для этого изъ своего дома, то, хотя бы онъ былъ за десятки верстъ, Шамиль это чувствуетъ: сердце въ немъ начинаетъ биться сильнѣе, его одолеваетъ тоска, и онъ подвергается головокруженію. Все это усиливается въ высшей степени въ то время, когда посѣтитель входитъ къ нему въ домъ: тогда онъ окончательно впадаетъ въ обморокъ. Въ этомъ послѣднемъ состояніи, онъ находится въ полной безчувственности, такъ что не слышитъ, какъ домашніе вынимаютъ изъ его кармановъ сохраняющіяся въ нихъ вещи, поворачиваютъ его самого и укладываютъ въ болѣе спокойное положеніе.

Болѣзнь эта, по словамъ Шамиля, началась 27 лѣтъ тому назадъ. Въ прежнее время, она посѣщала его чаще, нежели въ послѣднее; къ леченію ея не принималось никогда никакихъ средствъ; даже, во время пароксизмовъ, не подавалось никакихъ экстренныхъ пособій, а проходили они сами собой, черезъ четверть, и много черезъ полчаса. Пароксизмы не сопровождались ни судорогами, ни пѣною, какъ это бываетъ въ эпилепсіи. Теряя сознание во время обморока, по окончаніи его, Шамиль ничего не помнитъ, физическихъ страданій во время обморока никакихъ не чувствуетъ; а по окончаніи его, имъ овладѣваетъ слабость, продолжающаяся иногда нѣсколько дней. О страданіяхъ моральныхъ, а также о пріятныхъ ощущеніяхъ во время обморока, онъ совсѣмъ умолчалъ. Но то, что Шамиль считаетъ въ своей болѣзни *главнымъ* и, притомъ, составляющимъ неизбѣжную ея принадлежность, это—«размягченіе», какъ онъ выражается, большихъ берцовыхъ костей, которыя, при всякомъ давленіи, образуютъ впадины.

Говоря объ этомъ, Шамиль тутъ же обнажилъ одну изъ своихъ ногъ, взявъ мою руку и пальцами ея подавилъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ по протяженію кости: впадины, дѣйствительно,

образовались почти на столько глубокиа, на сколько можно это сдѣлать въ хлѣбѣ трехъ или четырехъ - дневнаго печенія. Предвѣстниками пароксизмовъ служили, какъ я сказалъ выше, біеніе сердца, головокруженіе и безотчетная тоска. Однако, случалось иногда, что болѣзнь ограничивалась одними этими приступами: самого обморока не было; это означало, что люди, имѣвшіе къ Шамилю надобность, встрѣтили въ своемъ желаніи видѣться съ нимъ какія либо препятствія.

Выслушавъ внимательно Шамиля и дополнивъ сообщенныя имъ о своей болѣзни свѣдѣнія другими, самыми мелкими подробностями, я пришелъ къ тому заключенію, что онъ одержимъ болѣзненною раздражительностію нервной системы. Однако, замѣчая, съ какою настойчивостію онъ хочетъ обратить это простое явленіе въ нѣчто сверхъ-естественное, я удержался отъ разъясненія этихъ данныхъ простымъ логическимъ способомъ, а выразилъ только убѣжденіе въ необходимости лечиться.

Въ отвѣтъ на это, Шамиль сказалъ, что и мнѣніе мое и самое названіе болѣзни ему довольно извѣстны, но что все это ничего не имѣетъ общаго съ его болѣзнію, хотя, въ наружныхъ признакахъ, между ними и есть нѣкоторое сходство. Затѣмъ онъ спросилъ меня, упоминается ли «въ нашихъ книгахъ» объ этой болѣзни, или не извѣстна ли она намъ изъ какихъ либо другихъ источниковъ.

Я отвѣчалъ краткимъ объясненіемъ состоянія ясновидѣнія и при этомъ упомянулъ о нѣкоторыхъ новѣйшихъ чудесахъ мезмеризма.

Выслушавъ мое объясненіе, Шамиль сказалъ: «нѣтъ, это не то; это совсѣмъ другое». Потомъ онъ обратился уже ко всѣмъ присутствовавшимъ съ вопросомъ (*): отчего, по ихъ мнѣнію, происходитъ его болѣзнь и при какихъ условіяхъ человѣкъ скорѣе всего можетъ подвергнуться ей? Потомъ, замѣтивъ, что Грамовъ, лично занятый вопросомъ, не передалъ его мнѣ, и потому я не участвую въ общемъ стремленіи добиться рѣшенія предложенной темы, Шамиль потребовалъ, чтобъ она была доведена и до моего свѣдѣнія.

Сообразивъ, что противорѣчіе нимало не измѣнитъ его взгляда

(*) Кромѣ Грамова и Хаджію, у Шамиля, въ это время, обѣдали: поручикъ Колыванскаго полка (изъ горцевъ) Парамоновъ и два горца

на вещи, я убѣдился въ этомъ окончательно, взглянувъ на физиономію Шамиля: необыкновенно оживленное лицо его и яркій блескъ въ глазахъ, отражавшихъ лихорадочное ожиданіе, ясно указывали, какого рода отвѣтъ можетъ скорѣе всего прійтись ему по-сердцу.

Подумавъ немного, я отвѣчалъ, что болѣзнь его, а по моему — даръ предчувствія, предвидѣнія, можетъ быть удѣломъ такого только человѣка, который, будучи выше другихъ во многихъ отношеніяхъ, въ то же время, часто предается молитвѣ и чтенію книгъ духовнаго содержанія: во время этихъ занятій, онъ, нѣкоторымъ образомъ, сближается съ Богомъ, бесѣдуетъ съ Нимъ, созерцаетъ Его, и Богъ, по Своей всесправедливости и особенной любви къ такимъ людямъ, отмѣчаетъ ихъ какимъ либо знаменіемъ, для извѣстности и поученія всѣмъ другимъ людямъ. И потому я ни одной минуты не сомнѣваюсь, что и «болѣзнь» Шамиля, какъ онъ ее называетъ, происходитъ именно отъ этихъ причинъ, такъ какъ безошибочно можно сказать, что никто не молится столько Богу и не читаетъ священныхъ книгъ такъ много, какъ это дѣлаетъ одинъ Шамиль.

Нетерпѣливое ожиданіе, въ которомъ находился Шамиль до моего отвѣта, обратилось въ совершенное удовольствіе, которое, однако, онъ старался, по возможности, скрыть. Не менѣе того, посмотрѣвъ съ нѣкоторою сановитостію на присутствующихъ, Шамиль торжественно указалъ на меня пальцемъ и еще торжественнѣе произнесъ: «онъ угадалъ!»

Все, что сказалъ Шамиль о своей болѣзни, подтвердилъ, въ этотъ же вечеръ, и Хаджіо, а впоследствии и всѣ члены семейства плѣнника, прибывшіе въ Калугу черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора. Въ словахъ ихъ заключались, между прочимъ, слѣдующія дополнительныя свѣдѣнія о томъ же предметѣ:

О болѣзни Шамиля горцы знали и питали къ ней великое уваженіе, считая присутствіе ея въ человѣкѣ особеннымъ благоволеніемъ къ нему неба. Кромѣ объясненной уже Шамилемъ причины пароксизмовъ, есть еще двѣ: во первыхъ, внезапное сообщеніе ему какого либо непріятнаго извѣстія и, во вторыхъ, нерѣзительность посѣтителя, имѣющаго къ нему надобность, которую, по какимъ нибудь причинамъ, онъ затрудняется объяснить. Тогда, взглянувъ на такого человѣка, Шамиль тотчасъ же падаетъ въ обморокъ, совсѣмъ и не зная о намѣреніи просителя.

Изъ всего этого, почти безошибочно можно заключить, что собственно болѣзнь Шамиля не подлежитъ никакому сомнѣнiю и не есть притворство; но, вмѣстѣ съ тѣмъ она—какъ, по крайнѣй мѣрѣ, мнѣ кажется—есть ничто иное, какъ катаlepsia, въ соединенiи съ началомъ водянки, или же, какъ называетъ это нашъ докторъ, «отекъ нижнихъ конечностей, которымъ страдаетъ Шамиль съ давнихъ поръ, вслѣдствiе расширенiя въ этихъ конечностяхъ венъ».

Въ дальнѣйшiя заключенiя я до времени не могу вдаваться, потому что не имѣлъ еще возможности привести обстоятельство это въ полную ясность.

Послѣ случившагося съ Шамилемъ припадка, встрѣтилось еще одно обстоятельство, показавшееся ему очень интереснымъ и побудившее его сообщить мнѣ нѣкоторыя подробности, не менѣе интересныя.

Прочитавъ въ газетахъ о принятiи подданства Абадзехами и о присягѣ старшинъ ихъ, имѣвшихъ тогда въ главѣ своей Магометъ - Амина, я сообщилъ объ этомъ Шамилю. Извѣстiе мое доставило ему большую радость, повидимому, непритворную. Онъ похвалилъ бывшаго своего наиба за умное дѣло и замѣтилъ, что событiя этого онъ давно ожидалъ и удивляется только, отчего Магометъ-Аминъ такъ долго медлилъ.

— Теперь Кавказъ въ Калугѣ, повторилъ онъ прежнюю свою фразу: — и войны быть не можетъ!...

Обѣдъ нашъ, въ этотъ день, начался разсказомъ Шамиля о томъ, что Магометъ - Амина зовутъ совсѣмъ не Магометъ - Аминомъ, а Магометомъ - Ассiяло, или Ассiяловымъ. Загадку эту онъ объяснилъ слѣдующимъ образомъ:

Имена новорожденнымъ, обыкновенно, даются у горцевъ ближайшими родственниками родителей, или ихъ короткими прiателями.

Такимъ образомъ, бывшiй предводитель Абадзеховъ получилъ, при рожденiи, имя своего восприемнаго отца — Магомета, который, по имени своей матери Ассiи, далъ ему прозвище — Ассiяло. Подъ этимъ именемъ онъ извѣстенъ во всемъ Дагестанѣ, гдѣ точно также никто не знаетъ Магометъ-Амина. Самъ Шамиль, въ первое время плѣна, не узнавалъ подъ именемъ Магометъ-Амина своего бывшаго наиба, и только черезъ нѣсколько времени вспомнилъ, что, въ письменныхъ съ нимъ сношенiяхъ,

онъ всегда надписывалъ на своихъ посланіяхъ: «нашему Магомету вѣрному».

Вѣрный, честный, по арабски — *аминъ*. Это самое и было причиною того, что Кабардинцы, Абадзехи, а за ними и Русскіе сдѣлали Магомета-Ассіялова Магометъ-Аминомъ.

Послѣ этого, исполняя мою просьбу, Шамиль разсказалъ о томъ, какимъ манеромъ попалъ Магометъ-Аминъ къ Абадзехамъ.

Лѣтъ тринадцать тому назадъ, абадзехскія племена прислали къ нему депутацію для передачи ихъ желанія, облеченнаго въ хорошо знакомую намъ, Русскимъ, формулу: «земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ»... Однимъ словомъ, Абадзехи просили Шамиля дать имъ предводителя изъ числа его наибовъ.

Не имѣя, въ то время, свободныхъ людей, Шамиль отвѣчалъ депутаціи, что у него нѣтъ ни одного человѣка, который могъ бы оправдать надежды народа и его собственное довѣріе.

На усиленные просьбы депутатовъ, Шамиль снова отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ принять на себя отвѣтственность въ такомъ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ благосостояніе всей страны.

Послѣдовавшія затѣмъ новыя просьбы депутаціи подкрѣпилъ, съ своей стороны, извѣстный секретарь Шамиля, мирза Амиръ-Ханъ чиркеевскій, управлявшій, подъ личнымъ его руководствомъ, почти всѣми дѣлами страны; онъ сказалъ, что нельзя оставить народъ на произволъ недалководныхъ старшинъ, которые съ давняго времени подвергаютъ страну двойному бѣдствію: со стороны Русскихъ, для которыхъ распри ихъ служатъ самымъ лучшимъ союзникомъ, и со стороны обыкновенныхъ междоусобій, порождаемыхъ мелкимъ самолюбіемъ и безконечными неудовольствіями.

Тогда Шамиль предложилъ ѣхать къ Абадзехамъ этому самому мирзѣ Амиръ-Хану; но тотъ отозвался нежеланіемъ переселиться въ отдаленный край, въ которомъ, къ тому же, нѣтъ ничего общаго съ Дагестаномъ. Такой точно отвѣтъ дали и нѣкоторые другіе приближенные Шамиля, которыхъ онъ считалъ сколько нибудь способными управлять народомъ и военными дѣйствіями. О Магометъ-Аминѣ ему и на умъ не приходило, потому что, зная его за человѣка храбраго и необыкновенно набожнаго, онъ готовилъ его совсѣмъ къ другому дѣлу.

Но, въ это самое время, Магометъ-Аминъ, занимавшійся тутъ же чтеніемъ корана, высказалъ, не совсѣмъ рѣшительнымъ голо-сомъ, желаніе ѣхать къ Абадзехамъ. Депутаты схватились за этотъ вызовъ и, повторяя прежнія свои просьбы, сдѣлали даже Шамилю упрекъ въ нежеланіи, съ его стороны, быть полезнымъ своимъ одновѣрцамъ въ общемъ ихъ дѣлѣ. Это обстоятельство поставило въ затруднительное положеніе не только Шамиля, но и мирзу Амиръ-Хана, который вполне раздѣлялъ его мнѣніе о Магометъ-Аминѣ.

Тогда абадзехскіе депутаты, принявъ задумчивость, въ кото-рую впалъ Шамиль, размышлявшій о средствахъ выйдти изъ критическаго положенія, за нерѣшительность съ его стороны, сказали ему слѣдующее: «когда на томъ свѣтѣ пророкъ встрѣтитъ тебя съ отверзтыми объятіями и поведетъ въ рай, то всѣ мы, Абадзехи, ухватимся за полы твоей черкески, не пустимъ тебя туда и скажемъ пророку, что ты не достоинъ блаженства, потому что отвергнулъ наши просьбы и оставилъ насъ, при жизни, въ такой крайней нуждѣ».

Это окончательно подѣйствовало на Шамиля: склонный къ мистицизму, онъ вообразилъ себѣ, что само Провидѣніе, голо-сомъ Магометъ-Амина, указываетъ на него, какъ на предводи-теля Абадзеховъ. И онъ назначилъ его, разсчитывая, что умъ человѣческой и всѣ дарованія — ничто предъ волей Божіей.

— Я думалъ еще и то, сказалъ, въ заключеніе, Шамиль:— что Магометъ-Аминъ, который такъ много молится Богу и съ такимъ усердіемъ исполняетъ правила корана, непременно обра-тить на себя Божію помощь и будетъ вести дѣла свои хорошо. Теперь вижу, что это такъ и случилось.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого разговора, пріѣхало на-конецъ такъ давно ожидаемое семейство Шамиля. Подробности пріѣзда (*) были изложены прежде; теперь остается продол-жать начатое.

Родственный караванъ увеличилъ населеніе Калуги двадцатью-одной душою, въ томъ числѣ тринадцать женскаго и восемь мужскаго пола, что и составило, вмѣстѣ съ Шамилемъ и Хаджію,

(*) См. «Военный Сборникъ», № 2-й 1860 года. «Шамиль» (изъ записокъ при-става при военно-плѣнномъ).

цѣлую колонію. Какъ читателямъ «Военнаго Сборника» придется ознакомиться съ каждымъ изъ членовъ ея, то сдѣлаемъ имъ подробный перечень, который въ послѣдствіи можетъ устранить какое нибудь недоразумѣніе относительно этихъ личностей.

1 и 2. *Зейдатъ* и *Шуаннатъ* — жены Шамяля.

3 и 4. *Нафиссатъ* и *Фатиматъ* — дочери Шамяля, отъ умершей жены Фатиматъ.

5. *Аминнатъ*, жена Магомета-Шеффи.

6 и 7. *Наджаватъ* и *Базу-Меседу* — дочери Зейдатъ.

8. *Собіятъ* — дочь Шуаннатъ.

9. *Маазатъ* — внука Шамяля отъ Нафиссатъ, шести мѣсяцевъ.

10. *Халумъ* — почтенная женщина лѣтъ пятидесяти, дальняя родственница Шамяля, воспитательница дѣтей его.

11. *Вали-Кызъ*, тоже пятидесяти лѣтъ отъ роду, метръ-дѣотель Шамяля.

12. *Фаризатъ* — служанка, сорока лѣтъ.

13. *Месси* — плѣнная Ингушинка Тарской долины, дѣвушка семнадцати лѣтъ.

14 и 15. *Гази-Магометъ* и *Магометъ-Шеффи* — сыновья Шамяля отъ Фатиматъ.

16. *Абдурахманъ* — мужъ Нафиссатъ, двадцати-четыре лѣтъ.

17. *Абдурахимъ* — братъ его, отъ разныхъ матерей, мужъ Фатиматъ.

18. *Хаджіо* — «наперсникъ» Гази-Магомета, тридцати-четыре лѣтъ.

19. *Джемалэддинъ* — таковой же наперсникъ Магомета-Шеффи и покойнаго брата его Джемалэдина, тридцати-пяти лѣтъ.

20. *Омаръ* — сынъ Халумъ, девятнадцати лѣтъ.

21. *Хайрулла* — плѣнный афганскій дервишъ, прозванный попомъ. Возраста своего не знаетъ; примѣрно же имѣетъ отъ тридцати-шести до сорока лѣтъ.

22. *Дебуръ-Магома*, семнадцати лѣтъ — родомъ изъ Гидатля, откуда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, онъ бѣжалъ въ Темиръ-Ханъ-Шуру, спасаясь отъ жестокостей своей мачихи. Послѣ того онъ учился въ нашихъ школахъ и теперь прибылъ, съ караваномъ, въ качествѣ переводчика.

Въ предъидущемъ очеркѣ, мы уже говорили о женщинахъ семейства Шамиля въ той подробности, на сколько позволяли кратковременность моего знакомства и затруднительность сношеній съ ними. Теперь будемъ говорить о мужчинахъ.

Всѣ они, взятые вмѣстѣ, представляютъ собою такое хорошее цѣлое, что невольно исторгнуть восклицаніе, особливо въ первое время знакомства съ ними: «Что за славный народъ! Какой разумный, какой красивый, какой способный народъ! Что за неутомимая въ немъ жажда познаній, что за неудержимое стремленіе передѣлать себя, переродиться!...» Вотъ, напримѣръ, Абдуррахимъ: за пять недѣль путешествія изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Калугу, онъ, не зная до того времени русскаго языка, выучился, у сопровождавшаго ихъ офицера фельдъегерскаго корпуса, читать и писать по русски. Вотъ Абдуррахманъ и Омаръ: въ этомъ отношеніи они немногимъ уступаютъ Абдуррахиму; но за то они «ученѣе» и солиднѣе его, особливо Абдуррахманъ. Наконецъ, вотъ Магометъ-Шеффи, который, пріѣхавъ въ Калугу совсѣмъ неграмотнымъ, впослѣдствіи выучился читать по русски не только печатное, но и рукописное, *въ два дня, самъ собою, безъ всякаго руководителя*, присматриваясь только къ чтенію своихъ земляковъ. Это невѣроятно, но это, дѣйствительно, было такъ. Въ первые же дни ихъ пріѣзда, я услышалъ такія горячія желанія учиться, что во мнѣ уже зарождалась мысль объ учрежденіи, при моей квартирѣ, элементарнаго класса. Какъ образчикъ этого стремленія, привожу письмо одного изъ молодыхъ людей, этого самого Магомета-Шеффи, къ его знакому въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ.

«Почтенный и уважаемый Николай Петровичъ!

«Съ удовольствіемъ исполняю твое желаніе—писать къ тебѣ, и прежде всего долженъ сказать, что мы, по благости Божіей и по милости великаго Государя, окончили наше путешествіе очень благополучно и нашли имама, моего отца, совершенно здоровымъ. До настоящаго времени всѣ мы тоже пользуемся самымъ лучшимъ здоровьемъ. Я желаю его тебѣ и твоей супругѣ, которой свидѣтельствую мое почтеніе, и благодарю ее и тебя за ласки, которыя вы мнѣ оказали и которыхъ я никогда не забуду.

«Калужское общество очень любитъ моего отца, а черезъ него встрѣтило очень радушно и насъ съ братомъ. Мы только

жалѣемъ, что не успѣли еще заслужить это расположеніе сами, потому что, вскорѣ послѣ прїѣзда нашего въ Калугу, мы поѣхали, вмѣстѣ съ имамомъ, въ Москву, для представленія нашему фельдмаршалу. Въ Москвѣ я видѣлъ очень много такихъ удивительныхъ предметовъ, о которыхъ до сихъ поръ или вовсе не слыхалъ, или слышалъ отъ покойнаго брата Джемалѣддина, но совсѣмъ не вѣрилъ. Я видѣлъ желѣзную дорогу, телеграфъ, балетъ и, наконецъ, видѣлъ Москву. Я бы охотно описалъ тебѣ все это въ подробности, описалъ бы и все остальное, что я видѣлъ и что интересовало меня; но вотъ видишь ли: для этого нужно знать много наукъ, о которыхъ я теперь не имѣю понятія, а безъ этого я буду говорить наобумъ и, стало быть, обману тебя. Если Богу будетъ угодно исполнить мое очень сильное желаніе учиться и Онъ мнѣ поможетъ въ этомъ дѣлѣ, тогда я постараюсь доставить тебѣ удовольствіе описаніемъ того, что, въ настоящее время, представляется какъ во снѣ.

«По возвращеніи изъ Москвы, мы окончательно осмотрѣлись въ нашей новой жизни и нашли, что никакой заботливый отецъ не могъ такъ хорошо устроить своихъ дѣтей, какъ устроилъ насъ Государь. Онъ далъ намъ все, что нужно для спокойствія и благополучія человѣка, и если мы можемъ желать еще чего нибудь въ жизни, такъ это возможности представить Государю Императору доказательства того, что мы чувствуемъ всѣ его милости и отъ души желаемъ сдѣлаться достойными ихъ. Я съ братомъ ожидаю этой счастливой минуты съ нетерпѣніемъ.

«Для меня будетъ очень пріятно, если ты не совсѣмъ забудешь меня и изрѣдка, когда будешь имѣть свободное время, напишешь ко мнѣ нѣсколько строчекъ. Съ своей стороны, я повторю увѣреніе въ томъ, что никогда не забуду радушія, которое оказали мнѣ ты и твоя супруга. Рабъ Божій Магометъ-Шеффи, сынъ Шамуиля.»

Знакомство горцевъ съ Калугою и съ ея общественною жизнью началось посѣщеніемъ гостившаго, въ то время, здѣсь цирка Слейзака и К°. Мы явились туда на другой же день «нашего» прїѣзда. Впечатлѣніе, произведенное на горцевъ искусствомъ наѣзниковъ и наѣзницъ, выше всякаго описанія: ничего подобнаго не видѣли они во всю свою жизнь, и хотя, въ бытность ихъ въ Темиръ-Ханъ-Шурфъ, имъ и дали нѣкоторое понятіе о волтижерахъ, но ни рассказы очевидцевъ, ни собственное ихъ

воображеніе не представляли этого дѣла въ такомъ видѣ, какъ оно представилось глазамъ ихъ. Однимъ словомъ, выраженіямъ восторга не было конца и они были такъ сильны, что, сообщенныя Шамилю, возбудили и въ немъ рѣшимость побывать въ циркѣ. Впечатлѣніе, которое вынесъ изъ цирка глава нашей колоніи, не имѣло ничего общаго съ тѣмъ, которое возбудили въ немъ фокусы «восточнаго кудесника» Кери (*): тамъ онъ, дѣйствительно, хохоталъ отъ души и удивлялся всему безотчетно; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовольствіе его отравлялось сознаніемъ, что все это было ничто иное, какъ обманъ, котораго онъ ненавидитъ всѣми силами своей души. Здѣсь же, въ циркѣ, всякое дѣло идетъ на чистоту: нѣтъ возможности отвести глаза зрителей ни проворствомъ рукъ, ни коробочкою, ни платкомъ, ни какимъ нибудь другимъ предметомъ: или проскачи молодцомъ, или голову сломай... Циркъ Слейзака, въ самомъ дѣлѣ, одинъ изъ очень порядочныхъ, и Шамиль удивлялся ловкости волтижеровъ искренно и много. Удовольствіе его выражалось безпрестанными восклицаніями «тамаша» — «удивительно!...» Это повторялъ онъ глядя и на штуки проворнаго Кери; но здѣсь къ слову «тамаша» онъ прибавлялъ другое слово: «ялганъ ту-хуль» — «обмана нѣтъ!...»

Недолго томились пріѣзжіе невѣдѣніемъ нашихъ обычаевъ: захвативъ нѣкоторыя познанія по этой части изъ Темиръ-Ханъ-Шуры, они живо акклиматизировались въ Калугѣ. Извѣстно, что стоитъ только полюбить какой нибудь предметъ или какое нибудь занятіе, и тогда узнаешь его скоро и хорошо. А горцы крѣпко полюбили насъ и наши обычаи. Получивъ нѣкоторое понятіе о нихъ отъ покойнаго Джемалэддина, молодежь, особливо близкая къ дому Шамиля, еще въ горахъ, ждала-не дождалась минуты, когда бы можно познакомиться съ нами покороче, и, въ этомъ случаѣ, едва скрывала гнѣздившіяся въ ней преступныя желанія. Наконецъ Ведень взять, Гунибъ взять, вотъ русскій лагерь, вотъ Темиръ-Ханъ-Шура, вотъ и Калуга!... Навѣрное, никто изъ молодыхъ людей, послѣ долгаго и труднаго похода, не входилъ подъ кровъ родительскій съ такимъ удовольствіемъ, какое одушевляло ихъ при входѣ въ домъ,

(*) См. «Военный Сборникъ», № 2-й, 1860 года, статья: «Шамиль» (изъ записокъ пристава при военно-плѣнномъ).

принадлежащій давнишнимъ непримиримымъ врагамъ, ненависть къ которымъ они, быть можетъ, всосали въ себя съ молокомъ матерей. Внешній видъ этого дома и всякія удобства внутри его окончательно утвердили въ горцахъ надежды на все прекрасное въ будущемъ.

Теперь имъ предстояла забота сблизиться съ тѣми, въ средѣ которыхъ такъ давно хотѣлось имъ вступить. Сначала, что, впрочемъ, очень естественно, всѣ они нѣсколько дичились и по заламъ благороднаго собранія не иначе ходили, какъ гурьбою, стараясь не отставать отъ старожилы Хаджію, который, къ чести его сказать, вовсе не думалъ кичиться почетнымъ званіемъ коновода. Потомъ сближеніе ихъ съ обществомъ пошло быстрѣе и быстрѣе, такъ что, въ одинъ холодный зимній вечеръ, зала калужскаго собранія огласилась, можетъ быть, въ первый разъ со времени своего существованія, звуками лезгинки... Лезгинка и мюридизмъ!... Но, конечно, Шамиля при этомъ не было, и онъ до сихъ поръ ничего не знаетъ; однако, нельзя не согласиться, что, въ глазахъ горцевъ, мюридизмъ потерялъ всю свою прелесть или, по меньшей мѣрѣ, имѣетъ ея несравненно менѣе, чѣмъ лезгинка.

Первый приступъ знакомства горцевъ съ калужскимъ обществомъ сдѣланъ былъ, какъ водится, посредствомъ визитовъ ко всѣмъ лицамъ, съ которыми познакомился Шамиль. Глава этой экспедиціи, Гази-Магометъ, поручая себя и своихъ спутниковъ вниманію новыхъ знакомцевъ, благодарилъ ихъ за расположеніе, оказанное его отцу, и обѣщалъ употребить всѣ старанія, чтобы заслужить его вдвойнѣ: и за себя и за отца.

Возникшее такимъ образомъ сближеніе, вслѣдствіе противодействующихъ обстоятельствъ, должно было остаться, въ продолженіе нѣкотораго времени, при одномъ началѣ: во первыхъ, черезъ нѣсколько дней послѣ визитовъ, Шамиль отправился въ Москву, для свиданія съ генераль-фельдмаршаломъ. Поѣздка эта продолжалась три недѣли; а въ скоромъ времени по возвращеніи изъ Москвы, настала постъ-рамазанъ, въ продолженіе котораго (ровно мѣсяцъ) молодежь, какъ и подобаетъ правобѣрнымъ мусульманамъ, сидѣла за книгами, не дѣлая шагу изъ дому и стараясь не дѣлать его изъ своей комнаты. Наконецъ постъ кончился, и сношенія возобновились. Трудно передать тотъ восторгъ, который возбуждалъ въ нихъ милый, радушный

пріемъ калужскаго общества. Бесѣдуя со мною о подробностяхъ минувшаго вечера, горцы не находили словъ для выраженія своего удовольствія и всѣ свои ощущенія выражали, подобно Хаджію, восклицаніями: «Какой народъ Русскіе!... Гамисэ хорошій народъ!.... Зачѣмъ намъ говорили, что русскій народъ — нехорошій народъ!...»

Дѣйствительно, велика ихъ симпатія къ Русскимъ; но, по истинѣ говоря, она вызвана высокимъ искреннимъ чувствомъ, сопровождавшимъ гостепрѣимство и братское вниманіе Калужанъ къ нашимъ новымъ соотечественникамъ. Кто знаетъ, что имъ дастъ судьба: можетъ быть, она разбросаетъ ихъ по лицу земли; можетъ быть, одни изъ нихъ сдѣлаются сильными земли, другіе, просто, полезными гражданами, а для нѣкоторыхъ fortuna обратится въ мачиху... кто это знаетъ!... Но вотъ что можно предсказать навѣрно: гдѣ бы они ни были, чѣмъ бы они ни были, Калуга никогда не истребится изъ ихъ памяти: она была для нихъ другою родиною и сыграла эту роль такъ удачно, что я не поручусь за то, чтобъ она не была имъ милѣе настоящей.

Скоро я ознакомился со всѣми горцами вообще и съ каждымъ въ особенности. Въ дальнѣйшихъ моихъ съ ними сношеніяхъ, я имѣлъ множество случаевъ еще сильнѣе убѣдиться въ симпатичности ихъ натуры. Самые недостатки, которыхъ, какъ извѣстно, не могутъ избѣжать ни симпатичныя, ни антипатичныя натуры, въ горцахъ имѣютъ какую-то особенную.... не то, чтобы прелесть, а какой-то шикъ, весьма способный понравиться многимъ. Въ этомъ отношеніи, ссоры ихъ между собою, что случается, впрочемъ, очень рѣдко, представляютъ величайшій интересъ, и я съ особеннымъ наслажденіемъ въ это время смотрю на нихъ. Причина ссоры, или предметъ ея, сдѣлалъ бы честь любой институткѣ, ополчившейся на подругу за учителя російской словесности; но какъ хорошо выдерживается характеръ враждующими горцами: если вамъ удастся прослѣдить подобный эпизодъ, то вы вынесете убѣжденіе, что изъ этихъ очень молодыхъ людей выйдутъ «не отцы-пустынники и жены непорочны», а мужи твердые во всякаго рода бояхъ.

Знакомясь съ личностію моихъ пріятелей, я ознакомился съ нравами и обычаями ихъ страны и ихъ дома, что иногда составляетъ совсѣмъ не одно и то же. Много открывалось въ нихъ

забавнаго, много достойнаго сожалѣнія, но еще больше такого, что можетъ навести на размышленіе не одного добродѣтельнаго Европейца. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, склонность къ правдивости, въ обширномъ смыслѣ этого слова, выше всякой похвалы и вполне оправдываетъ, отзывъ о ней Шамиля. По правдѣ сказать, предметъ этотъ можетъ послужить неисчерпаемымъ источникомъ удивленія для насъ, потерявшихъ вѣру въ существованіе не «очень», а просто честныхъ людей, которыхъ мы щемъ, въ нѣкоторомъ родѣ, à la Диогенъ.

Обращаясь къ моимъ героямъ, съ которыми мнѣ хочется познакомить читателей покороче, потому что они вполне заслуживаютъ этого, я начну, по старшинству, съ *Гази-Магомета*.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Шамиль очень опасно заболѣлъ и, съ цѣлью обезпечить страну на случай своей смерти, отъ внутреннихъ волненій, порождаемыхъ происками, созвалъ свой «государственный» совѣтъ.

На этомъ совѣтѣ обсуждались мѣры, какія, въ крайнемъ случаѣ, необходимо будетъ принять, и, между прочимъ, опредѣлено: наслѣдникомъ имамской власти, согласно предложенія Шамиля, признать Гази-Магомета, имѣвшаго тогда семь или восемь лѣтъ отъ роду, а на время его несовершеннолѣтія назначить регентомъ извѣстнаго наиба Албазъ-Дебира.

Черезъ восемь лѣтъ послѣ этого, Гази-Магометъ достигнулъ совершеннолѣтія и, по этому случаю, снова былъ объявленъ наслѣдникомъ имамскаго званія, а вслѣдъ затѣмъ назначенъ наибомъ въ Карату.

Несмотря на очень молодыя лѣта (онъ былъ назначенъ наибомъ пятнадцати лѣтъ), Гази-Магометъ управлялъ своимъ наибствомъ съ такою умѣренностію и тактомъ, что, чрезъ нѣсколько лѣтъ, правители шести сосѣднихъ къ Каратѣ наибствъ постепенно обращались къ Шамилю съ просьбою дозволить имъ, по причинѣ отдаленности ихъ края отъ Дарго, обращаться, во всемъ касающемся гражданскаго и военнаго управления, къ Гази-Магомету, совершенно такъ, какъ бы къ самому Шамилю. Просьба эта была признана Шамилемъ основательною, и всѣ шесть наибствъ поступили въ полное вѣденіе Гази-Магомета.

Что касается до населенія страны, то все оно поголовно питало къ Гази-Магомету особенную симпатію за его внимательность и привѣтливость къ каждому, кто бы онъ ни былъ: бога-

тый или бѣдный, человекъ, пользовавшійся общимъ уваженіемъ, или преступникъ, осужденный на смерть. Этому послѣднему сорту людей Гази-Магометъ оказывалъ, въ противоположность всѣмъ прочимъ предводителямъ горцевъ, особенное свое вниманіе и даже нарочно приходилъ бесѣдовать съ ними, чтобы усладить послѣднія ихъ минуты. Доброта его сердца вошла въ пословицу, а готовность выслушать каждаго, разобрать его дѣло, не стѣсняясь временемъ и мѣстомъ, и потомъ содѣйствовать всѣмъ, что отъ него зависѣло, пріобрѣла ему отъ жителей Дагестана высокое уваженіе, которое скоро перешло и въ Чечню.

Независимо того, личная храбрость, столь высоко цѣнимая воинственными горами, въ Гази-Магометѣ обращалась въ полную неустрашимость, которая должна даже перейти къ потомству въ видѣ эпической поэмы, сочиненной въ честь его и касающейся набѣга на Кахетію.

Всѣ эти данныя, успокоивая горцевъ на счетъ будущности страны, невольно приводили ихъ къ сравненію характеристики будущаго имама съ характеристикой его отца. Результатъ сравненія былъ очевиденъ и оказывался не совсѣмъ въ пользу послѣдняго, потому что, невзирая на всѣ доблести и заслуги Шамиля, недоступность и нелюдность, окружавшія его, преимущественно въ послѣдніе годы, составляли рѣзкій контрастъ съ доступностію и привѣтливостію Гази-Магомета; а эти условія не могли не произвести впечатлѣнія на воспріимчивыхъ горцевъ. И вотъ, въ послѣдніе два года существованія на Кавказѣ имамской власти, дагестанская молодежь начала поговаривать, конечно, шопотомъ, о замѣнѣ стараго имама молодымъ. Оппозиція являлась, въ этомъ случаѣ, со стороны немногихъ отъявленныхъ приверженцевъ Шамиля, да и стариковъ, которые хотя и имѣли голосъ и вліяніе, но были бы не въ состояніи отстоять своихъ убѣжденій силою, еслибъ дѣло приняло серьезные размѣры. Къ чести Гази-Магомета, слѣдуетъ сказать, что онъ не только не пользовался происходившимъ въ умахъ горцевъ броженіемъ, но и всю энергію, которая порождалась такимъ настроеніемъ, обращалъ въ пользу отца и тѣмъ самымъ много способствовалъ къ удержанію недовольныхъ на сторонѣ Шамиля и въ предѣлахъ подвластнаго ему края.

Такое прямотушіе окончательно расположило къ нему Шамиля, который и безъ того очень любилъ его за строгость въ

исполненіи предписаній религіи и за безпредѣльное чувство сыновняго почтенія, доходящаго въ Гази-Магометѣ до какого-то смиренія, даже до слабости.

Любовь Гази-Магомета къ женѣ безпредѣльна, и, въ этомъ отношеніи, я могу сказать то, что красота Керематъ совершенно вѣрно характеризовалась бы несвязнымъ описаніемъ Хаджію, еслибъ онъ сказалъ къ тому же, что она прекрасна такъ же точно, какъ умна, добра и благородна. Но онъ этого не сказалъ, и я пополняю пробѣлъ въ его словахъ.

Наружность Гази-Магомета, съ перваго взгляда, покажется неприятною: высокій ростъ и выдавшіяся въ обѣ стороны плечи сильно бросаются въ глаза, при общей, совсѣмъ не пропорціальной худобѣ тѣла. Точно также неприятною можетъ показаться и его безбородая физіономія, составленная изъ большаго продолговатаго лица и маленькихъ глазъ, которые, по совершенной близорукости, онъ очень часто щурить. Но, взглянувъ въ него пристальнѣе, вы убѣдитесь, что ростъ и плечи служатъ выраженіемъ необыкновеннаго развитія мускуловъ и присутствія физической силы, что общаетъ сдѣлать изъ него вполнѣдствіи Шамиля, съ которымъ онъ имѣетъ, къ тому же, разительное сходство; а что касается физіономіи, то, при первомъ мало-мальски интересномъ разговорѣ, она оживится и истребитъ въ васъ всю неприятность перваго впечатлѣнія.

Наружность *Магомета-Шеффи* описана прежде. Письмо въ Темиръ-Ханъ-Шуру характеризуетъ его окончательно. Мнѣ остается сказать о немъ развѣ то, что необыкновенная способность роста и полнѣтъ общаетъ въ немъ будущаго Голяфа. Близорукость же его сильнѣе братниной.

Два брата: *Абдурахманъ* и *Абдурахимъ*, очень не сходны въ наружности; но оба они представляютъ собою типъ различной красоты, имѣющей, впрочемъ, въ себѣ общаго — смуглый, очень пріятный цвѣтъ лица и черные какъ смоль волосы. Старшій братъ очень приверженъ къ своей религіи и много интереса находитъ въ чудесахъ, описываемыхъ мусульманскими книгами, къ которымъ онъ питаетъ довѣріе неограниченное. За все за это, а также за великую грамотность, Шамиль питаетъ къ нему большое расположеніе. Гунибская переписка ведена имъ.

Абдурахимъ такъ же хорошо развитъ, какъ и его братъ; но, по своей молодости, онъ болѣе быстръ въ соображеніи и ода-

ренъ замѣчательною способностію къ рисованію и къ языкознанію. Вотъ письмо, написанное имъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ пребыванія въ Калугѣ:

«Милостивый Государь
«Василій Васильевичъ.

«Поблагодаривъ васъ отъ всего сердца за подарокъ вашъ «сдѣланный мнѣ въ Ростовѣ, считаю пріятнѣйшею для себя обязанностію исполнить данное мною вамъ обѣщаніе — написать «къ вамъ какъ скоро выучусь писать. Теперь, слава Богу, я «довольно порядочно объясняюсь по Русски. Безъ затрудненія «понимаю Русскую рѣчь, а какъ пишу, насчетъ этого немогу «сказать вамъ ни слова. Предоставляю самимъ вамъ судить объ «этомъ, по этому письму. Всѣ мы, слава Богу, здоровы, чего и «вамъ отъ всей души желаемъ. Засвидѣтельствовавъ вамъ глупо- «бочайшее почтеніе, имѣю честь пребыть покорнымъ вашимъ «слугою, искренно уважающій васъ Абдуррахимъ.»

Письмо передано съ дипломатическою точностію. Мнѣ остается прибавить, что авторъ его учился «секретно», пользуясь только самыми поверхностными указаніями.

Изъ числа остальныхъ горцевъ, принадлежащихъ къ дому Шамиля, Хаджію уже извѣстенъ, а Джемалэддинъ останавливаетъ мое вниманіе незлобивою сердцемъ и удивительною преданностію къ Шамилю, — удивительною тѣмъ болѣе, что она разумна; а этого невозможно требовать отъ чувства ужь слишкомъ сильнаго, особливо въ горцѣ, который всякое чувство почти всегда обращаетъ въ страсть, выходящую за предѣлы разсудка. Джемалэддинъ пріѣхалъ въ Калугу на основаніи ходившаго прежде въ Дагестанѣ слуха, что Шамиль подвергается у насъ всевозможнымъ лишеніямъ и даже истязаніямъ. Тогда онъ рѣшился раздѣлить его участь, а если представится возможность, то пожертвовать и жизнью, лишь бы хоть сколько нибудь облегчить страданія своего бывшаго имама (къ тому же, онъ ему родственникъ). Но теперь, удостовѣрившись, что Шамиль живетъ въ Калугѣ гораздо спокойнѣе и счастливѣе, нежели жилъ въ Дарго, Джемалэддинъ, какъ истый горецъ, возвращается на родину, что для него и необходимо, потому что на второй же

мѣсяцъ пребыванія его въ Калугѣ на немъ начали проявляться признаки извѣстной болѣзни — «тоска по родинѣ».

Маленькій, коренастый *Омаръ* только въ Гунибѣ присоединился къ шамилевскимъ мюридамъ. Несмотря на молодые годы, онъ поражаетъ своею солидностію, скромностію и большимъ запасомъ разсудка. Но все это не мѣшаетъ ему питать къ войнѣ большую склонность, и онъ ужъ не одинъ разъ приступалъ ко мнѣ съ вопросами: не ведетъ ли Россія еще съ кѣмъ нибудь войну и нельзя ли ему опредѣлиться на службу въ тѣ мѣста, гдѣ дерутся?

Однажды мы получили свѣдѣніе, что воры, извѣстные въ Калугѣ подъ скромнымъ именемъ «коноводовъ», имѣютъ намѣреніе украсть лошадей, купленныхъ для Шамиля по повелѣнію Государя Императора и потому составляющихъ для него нѣчто священное. Это было зимою, вечеромъ. Извѣстіе о предстоящемъ хищеніи застало горцевъ въ «кунацкой», гдѣ они, по обыкновенію, проводятъ все свое время. Лишь только слухъ объ этомъ дошелъ до Омара, онъ, въ ту же минуту, куда-то исчезъ, но чрезъ десять минутъ снова явился, веселый, радостный, съ блиставшими отъ удовольствія глазами. Онъ былъ одѣтъ по походному—въ полушубкѣ, съ буркой на плечахъ и съ цѣлымъ арсеналомъ оружія въ рукахъ, чрезъ плечо, за поясомъ.

— Ты это куда, братъ, собрался? спросилъ я у него.

— Въ секретъ, караулить воровъ.

— Ты что жъ съ ними думаешь сдѣлать, если поймашь?

Омаръ сдѣлалъ выразительный артикулъ винтовкой.

— Э, нѣтъ любезный, этого у насъ нельзя.

— Какъ нельзя! харамзадú (*) нельзя убить?

— Нельзя: если будетъ нужно, такъ его законъ казнить.

— Да, какъ же онъ его казнить, если не поймаетъ?

— А ты вотъ его поймай, мы тогда и отправимъ его въ полицію.

Омаръ былъ озадаченъ, такъ же, какъ и всѣ остальные горцы, съ недоумѣніемъ покачивавшіе головами и выражавшіе свои ощущенія особымъ, имъ однимъ доступнымъ, цоканьемъ.

(*) Харамзада — разбойникъ, а въ другомъ смыслѣ — сынъ нечестія, сынъ позора.

— Яманъ-адатъ! произносили нѣкоторые: — харамзадѹ нельзя убить!... Да послѣ этого ихъ будетъ очень много на свѣтѣ!

— Ну, а вотъ у васъ ихъ убивали, замѣтилъ я:—что же, мало ихъ было въ Дагестанѣ?

— Правду сказать, много было, отвѣчали горцы.

— Ну, вотъ то-то-же и есть...

Но, несмотря на истину, открывшуюся глазамъ Омара, онъ все-таки не признавалъ ея непреложности и, бросивъ съ явнымъ неудовольствіемъ винтовку, началъ разоблачаться, ворча что-то по аварски.

Не менѣе наивенъ онъ былъ въ другомъ родѣ.

— Омаръ! сколько тебѣ лѣтъ? спросилъ я его однажды.

— А когда Наджаватъ родилась, у меня зубъ выпалъ.

Пришлось узнавать, когда Наджаватъ родилась. Оказалось, что у нея, въ свою очередь, зубъ выпалъ, въ то время, когда родилась Софіятъ. Этой послѣдней пять лѣтъ, зубы выпадаютъ у дѣтей на седьмомъ году; слѣдовательно, Омару девятнадцать лѣтъ.

Тамъ, гдѣ нѣтъ метрическихъ книгъ и не встрѣчается надобности въ метрическихъ свидѣтельствахъ, другой хронологіи и быть не можетъ.

За Омаромъ слѣдуетъ *Хайрулла*. Но эта такая интересная личность, что стоитъ только сказать, что онъ представляетъ собою олицетвореніе гаремной сплетни,—и необходимость особаго, подробнаго описанія обозначается сама собою. Но теперь я откладываю это удовольствіе до другаго раза, а, вмѣсто того, обращаюсь снова къ молодымъ горцамъ.

Въ изученіи русскаго языка, они оказываютъ блистательные успѣхи. Но, не довольствуясь практическими познаніями, нѣкоторые изъ горцевъ принялись за грамматику, и теперь всѣ они, кромѣ Гази-Магомета, говорятъ по русски весьма порядочно и даже подтруниваютъ надъ Шамилемъ, который, по ихъ словамъ, за все время пребыванія своего въ Россіи, выучился у младшей своей дочери, Баху-Меседу, выговаривать одно слово; «крапо», и одну фразу: «издраска маленка баранчукъ!» (Здравствуй, маленкій баранчукъ!) Слово «баранчукъ» употребляютъ наши кавказскіе солдаты, вполне увѣренные, что такъ именно называется по татарски «ребенокъ», «мальчикъ». Въ свою очередь, и горцы вполне убѣждены, что «ребенокъ» по русски—«баран-

чукъ». Въ такомъ смыслѣ они и употребляютъ это слово; такъ точно и Шамиль произноситъ его, здороваясь съ дѣтьми.

Однако, подшучиванья молодыхъ людей надъ лингвистическими способностями своего главы могутъ быть названы ничѣмъ инымъ, какъ кичливостію, верхоглядствомъ, потому что и въ ихъ произношеніи нерѣдко обнаруживаются презабавные промахи. Такъ, напримѣръ, они долго не могли справиться со словомъ «понюхать»: вѣчно у нихъ выходило, или — «пахунить», или «панохить.»

Но вотъ начался «рамазанъ», постъ, о наступленіи котораго удостовѣряла новая луна, появившаяся на калужскомъ горизонтѣ 11 марта. Лишь только она показалась, по всему нашему дому раздались восклицанія: «ураза, ураза!» Съ этого времени у мусульманъ начинается постъ, представляющій собою обстоятельство не безынтересное, особливо тамъ, гдѣ религиозные обряды соединяются съ ученіемъ мюридизма. Представляю описаніе рамазана въ томъ видѣ, какъ исполняется онъ въ домѣ Шамиля, и по тѣмъ свѣдѣніямъ, какія переданы мнѣ имъ самимъ и членами его семейства.

Рамазанъ есть названіе мѣсяца, въ который мусульмане должны держать постъ, установленный пророкомъ Магометомъ, на основаніи откровенія, сдѣланнаго ему самимъ Богомъ.

Постъ этотъ, на языкѣ Шамиля, то есть на аварскомъ, называется «к'алькуй»; въ другихъ же мѣстностяхъ Кавказа, его зовутъ «ураза», а потому, говоря о мусульманскомъ постѣ, я тоже буду обозначать его словомъ «ураза».

Подъ этимъ словомъ горцы разумѣютъ не одинъ тотъ постъ, который бываетъ въ мѣсяцѣ рамазанѣ, но и всякій другой, налагаемый на себя мусульманами по обѣщанію, когда встрѣчаются въ своей жизни съ трудными минутами. Такъ, жены Шамиля, по пріѣздѣ въ Калугу, говѣли цѣлый мѣсяцъ, исполняя этимъ обѣщаніе, данное ими при окончаніи осады Гуниба, въ то самое время, когда Шамиль вышелъ къ князю Барятинскому и когда онъ были убѣждены, что отпускаютъ его на вѣрную смерть.

Постъ мѣсяца рамазана предписывается магометанскою религіею какъ одно изъ тѣхъ ея требованій, которыя въ совокупности называются «фáрызъ». Этихъ требованій пять, именно: полное сознаніе и совершенное убѣжденіе въ томъ, что «нѣтъ

другаго Бога, кромѣ одного Бога, и что Магометъ, дѣйствительно, пророкъ его» (ля илляга иль алла-гу, Мухаммедъ ресуль алла-га)—это первое. Второе—пять намазовъ въ сутки. Третье—закатъ, то есть пожертвованіе сороковой части наличнаго капитала, ради очищенія благопріобрѣтеннаго достоянія, такъ какъ живущіе на землѣ не могутъ стяжать его вполне честнымъ, безукоризненнымъ образомъ, какъ бы честны и богобоязненны ни были они сами. Деньги эти идутъ на вспомошествованіе бѣднымъ и жертвуются преимущественно во время уразы—въ такое время, когда скорѣе всего можно угодить Богу добрыми дѣлами. Четвертое — «хаджъ», или путешествіе въ Мекку, которое, впрочемъ, вмѣняется въ непремѣнную обязанность только людямъ зажиточнымъ, имѣющимъ къ тому возможность; бѣдные же освобождаются отъ этого. Наконецъ, пятое и послѣднее правило фарыза—ураза, «постъ», для котораго назначенъ даже особый мѣсяцъ—рамазанъ.

Человѣкъ, исполняющій эти пять правилъ фарыза, есть мусульманинъ, правовѣрный; не исполняющій—невѣрный. Мусульманинъ, уклоняющійся отъ исполненія всего фарыза или только одного изъ его правилъ, на первый разъ подвергается увѣщанію и нравственному посрамленію, во второй же разъ — безпощадно предается смертной казни, при чемъ дѣлается между осужденными слѣдующее различіе: добровольно повинившагося и выразившаго чистосердечное раскаяніе въ своемъ проступкѣ, по совершеніи надъ нимъ казни, обмываютъ и погребаютъ какъ истаго мусульманина, со всѣми принадлежащими умершему почестями; преступникъ же, который объявитъ, что онъ «не хотѣлъ» исполнить закона, лишается этихъ правъ, и тѣло его выбрасываютъ въ поле, на съѣденіе собакамъ.

«Рамазанъ» значитъ «тощій». Этимъ словомъ характеризуются физическое состояніе человѣка, въ которомъ онъ долженъ находиться въ продолженіе этого времени. Рамазанъ есть также и имя собственное, мужское.

Постъ рамазана продолжается ровно мѣсяцъ, начиная отъ появленія одной луны, предвѣстницы поста, до появленія другой, съ которою ураза прекращается и начинается байрамъ.

Постъ этотъ, такъ же, какъ и нашъ великій постъ, приходится не въ одно и то же время; но разница въ наступленіи нашего поста ограничивается лишь нѣсколькими днями, тогда какъ

мусульманскій постъ, или, что все равно, мѣсяць рамазанъ, разсчитываемый, вмѣстѣ съ прочимъ временемъ года, по теченію луны, приходится непремѣнно одинадцатью днями раньше предъидущаго года, такъ что ровно чрезъ тридцать лѣтъ онъ придется въ то самое время, въ какое пришелся въ настоящемъ году.

Непремѣнныя обязанности мусульманина, во время уразы, состоятъ въ молитвѣ и воздержаніи. Молитва состоитъ изъ обычныхъ пяти намазовъ и еще «таравеха», или дополнительной молитвы, произносимой только во время поста, вмѣстѣ съ послѣднимъ (ночнымъ) намазомъ. Этимъ собственно и отличаются молитвы уразы отъ молитвъ всеневныхъ. Впрочемъ, есть еще небольшое различіе: повседневные намазы хотя и предписано совершать въ извѣстные часы дня, но, по случаю могущихъ встрѣтиться препятствій, дозволяется переносить одинъ намазъ къ другому, такъ что съ послѣднимъ намазомъ можно совершить и четыре предъидущихъ. Во время же поста, такое отступленіе не дозволяется и намазы должны совершаться въ определенное время, иначе постъ не будетъ постомъ.

Воздержаніе заключается въ томъ, что говѣющіе должны употреблять пищу только послѣ захода солнца и слѣдующаго за нимъ предпоследняго намаза; съ окончаніемъ же его, они могутъ ѣсть хотя всю ночь, но съ разсвѣтомъ, въ продолженіе цѣлаго дня, не должны ни пить, ни ѣсть и даже не брать воды въ ротъ. Составъ же пищи совершенно одинаковъ какъ въ постъ, такъ и въ прочее время.

Ураза, какъ одно изъ правилъ фарыза, обязательно для всѣхъ мусульманъ и предписывается, какъ сказано выше, къ неупустительному исполненію. Исключеніе допускается только въ слѣдующихъ случаяхъ: во время тяжелой болѣзни, требующей непремѣннаго употребленія лекарствъ; при продолжительномъ нашествіи непріятеля; во время путешествія, если только оно продолжается далѣе 60 верстъ, и, наконецъ, для женщинъ, при проявленіи особенности, свойственной ихъ полу (последнее даже предписывается). Во всѣхъ этихъ случаяхъ, ураза прерывается на время существованія противодѣйствующихъ причинъ. Съ прекращеніемъ же ихъ, онъ снова вступаетъ въ свои права; но за каждый день вынужденнаго неисполненія предписанія религіи мусульманинъ долженъ поститься въ слѣдующее время,

избирая его по своему усмотрѣнію и считая, въ этомъ случаѣ, день за день. Если же нарушение поста произошло отъ какихъ либо другихъ причинъ, а слѣдовательно отъ произвола, съ умысломъ, то, кромѣ увѣщанія и посрамленія, дѣлаемыхъ виновному на первый разъ, онъ обязанъ за каждый потерянный день уразы поститься шестьдесятъ дней (*).

Кромѣ этихъ непремѣнныхъ обязанностей, мусульманамъ предлагаются на время поста, ради успѣшнѣйшаго угожденія Богу, еще нѣкоторыя условія, въ видѣ сунната, то есть правила не обязательнаго, именно: раздача милостыни независимо зяката и чтеніе корана, которое должно наполнять все свободное ихъ время.

Въ заключеніе, говѣющіе всячески должны избѣгать сношеній съ людьми и со всякимъ житейскимъ дѣломъ, чтобъ удалить отъ себя все, что только можетъ нарушить спокойствіе душевное. Они не должны даже участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, если только не будутъ къ тому вынуждены нашествіемъ на страну непріятели. Наступательныя же дѣйствія положительно запрещены.

Въ домѣ Шамиля, ураза идетъ слѣдующимъ порядкомъ: самъ Шамиль удалился на это время въ свой кабинетъ и, тщательно устранивъ отъ себя возможность какого либо сношенія не только съ женщинами, но и съ мужчинами, допускаетъ къ себѣ послѣднихъ лишь въ экстренныхъ случаяхъ, и, безъ сомнѣнія, онъ исполняетъ всѣ предписанія и фарыза и сунната, какъ никто. Только въ половинѣ поста онъ потребовалъ къ себѣ Гази-Магомета и, вслѣдствіе особаго къ нему благорасположенія, а можетъ быть вслѣдствіе невыносимой скуки, заставилъ его читать, молиться и обѣдать вмѣстѣ съ собою. Повидимому, это вниманіе подѣйствовало на Гази-Магомета вполне желаемымъ образомъ, потому что съ тѣхъ поръ онъ тоже началъ, подобно Шамилю, постоянно шевелить губами, нашептывая молитвы и стихи изъ корана, чего я прежде не замѣчалъ за нимъ.

Остальные мужчины молятся и обѣдаютъ всѣ вмѣстѣ въ одной комнатѣ (въ кунацкой), коранъ же читаютъ порознь, гдѣ

(*) Для наблюденія за исправнымъ исполненіемъ мусульманами фарыза, учреждены особыя должности надзирателей, которые обязаны представлять къ суду людей, замѣченныхъ ими въ уклоненіи отъ релігіозныхъ обязанностей. Въ Дагестанѣ такой надзиратель назывался т'атэль.

кому вздумается, и, судя по усердію, съ которымъ предаются этому занятію люди, повидимому, совсѣмъ не склонные къ нему, можно почти безошибочно заключить, что и чтеніе корана Шамиль обратилъ для своего дома изъ сунната въ фарызъ.

Обыкновенно, стихи корана читаются нараспѣвъ, съ повышеніемъ и пониженіемъ голоса, который до окончательнаго чтенія (продолжающагося иногда по два и по три часа) не прерывается, а только повременамъ слабѣетъ и какъ будто замираетъ, но вслѣдъ затѣмъ проявляется съ новою силою, при чемъ читающіе, вѣроятно, для вящаго уразумѣнія высокаго смысла стиховъ, мѣрно покачиваются туловищемъ изъ одной стороны въ другую, а нѣкоторые, на время чтенія, даже затыкаютъ пальцами свои уши.

Что касается до женщинъ, то жены и дочери Шамиля молятся вмѣстѣ съ нимъ, подъ его началомъ. Это допускается только при самыхъ короткихъ родственныхъ связяхъ, такъ какъ, во время молитвы, лица молящихся должны быть открыты, и они, слѣдя за движеніями сидящаго впереди всѣхъ уставщика, могли бы исполнять все то, что исполняетъ по уставу онъ. На этомъ же основаніи, женщины лишены права молиться въ мечети (*), а служанки, вообще, предоставлены самимъ себѣ и молятся безъ всякой системы, по собственному вдохновенію, а слѣдовательно кой-какъ; поэтому, мнѣ кажется, сила ихъ молитвы теряетъ очень много процентовъ сравнительно съ молитвою ихъ господъ, а тѣмъ болѣе съ молитвою мужчинъ. Жены Шамиля объдаютъ вдвоемъ, остальные женщины—всѣ вмѣстѣ.

Въ такихъ занятіяхъ прошелъ мѣсяцъ. Не знаю, до какой степени незамѣтно пролетѣло это время для горцевъ, но когда, вечеромъ 11 апрѣля, завидѣли они новую луну, преемницу рамазана, то также точно закричали: «байрамъ, байрамъ!» какъ вечеромъ 11 марта кричали: «ураза, ураза!»

На этотъ разъ, въ ихъ восклицаніяхъ слышалась неподдѣльная радость, тогда какъ въ прежнихъ можно было замѣтить только ту сухую торжественность, какая, обыкновенно, вызывается извѣстіемъ интереснымъ, но отнюдь не веселымъ.

(*) Кромѣ самыхъ дряхлыхъ старухъ, для которыхъ огораживается въ мечети особое мѣсто.

Радость горцевъ была понятна: уже три вечера сряду всѣ они, кромѣ Шамиля и Гази-Магомета, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдили за тѣмъ, что дѣлалось на западной сторонѣ калужскаго горизонта, но каждый разъ, обманутые въ своихъ ожиданіяхъ, съ неудовольствіемъ расходились спать. Отощавшіе желудки этихъ здоровыхъ людей вызывали ихъ на довольно нелѣпное предположеніе, что неаккуратность луны есть прямое послѣдствіе какой нибудь порчи въ машинѣ, двигающей небесными тѣлами. Одинъ Шамиль радовался невѣрности своихъ расчетовъ, приписывая этотъ фактъ необыкновенному плодородію, котораго, по его мнѣнію, слѣдуетъ ожидать въ нынѣшнемъ году.

Говорятъ, что люди, живущіе глазъ на глазъ съ природою, самые лучшіе астрономы въ мірѣ. Въ настоящее время, когда результаты нынѣшней жатвы уже извѣстны, предсказаніе Шамиля легко можно повѣрить.

Приготовленія къ наступающему байраму были немаловажны и совершенно походили на наши приготовленія къ празднику Пасхи. Даже самый день байрама горцы называютъ такъ же, какъ мы называемъ первый день святой недѣли: «уллу-гунъ» — «великій день». Также точно и послѣдняя недѣля рамазана имѣетъ, въ своихъ подробностяхъ, большое сходство съ нашею страстною недѣлею: счетъ намазамъ, въ это время, спутался; раздача милостыни нищимъ, роль которыхъ играли, между прочимъ, двое сосланныхъ на жительство въ Калугу Тавлинцевъ (Дагестанцевъ), замѣтно усилилась; горцы предались затворничеству, и только монотонное, гнусливое пѣніе стиховъ корана раздавалось въ продолженіе цѣлаго дня даже въ моей квартирѣ, гдѣ, по случаю тѣсноты въ большомъ домѣ, помѣщаются мюриды Хаджіо и Джемалѣдинъ.

За нѣсколько дней до появленія новой луны, Шамиль просилъ меня приказать розыскать, «во что бы то ни стало», одинъ гарнецъ финиковъ и столько гарнцевъ пшеницы, сколько состоитъ на лицо людей всякаго возраста и пола, принадлежащихъ къ его семейству и къ его дому. И пшеница и финики назначались въ раздачу бѣднымъ въ день байрама. Это было необходимо, чтобы завершить постъ должнымъ образомъ, вполне согласно тому, какъ «написано въ книгахъ». Между тѣмъ,

мусульмане другихъ сектъ, какъ, напимѣръ, наши казанскіе Татары, исполняютъ эту обязанность не натурою, а деньгами.

Кромѣ того, бывши у меня въ первый день свѣтлаго праздника и разсмотрѣвъ внимательно всевозможныя принадлежности нашего розговѣнья (кромѣ, конечно, окороковъ и тому подобнаго), что было приготовлено мною съ цѣлью познакомить горцевъ съ нашими обычаями, Шамиль изъявилъ желаніе устроить такимъ же образомъ встрѣчу байрама и у себя, но съ присовокупленіемъ всякаго рода сухихъ и свѣжихъ фруктовъ. Ему въ особенности понравился обычай красить яйца и мѣняться ими, а когда я объяснилъ ему значеніе этого обычая, то онъ съ большимъ удовольствіемъ принималъ отъ своихъ знакомыхъ такъ называемыя «писанки». Еще больше понравился этотъ обычай женамъ и дочерямъ Шамя, которыя получили о немъ понятіе, вѣроятно, еще прежде, отъ Шуаннатъ. Онѣ даже объявили, что крашенныя яйца гораздо вкуснѣе обыкновенныхъ, бѣлыхъ.

Лишь только появилась желанная луна, Шамиль прислалъ ко мнѣ Хаджію съ предложеніемъ—присутствовать при богослуженіи, которое завтра, съ разсвѣтомъ, будетъ у нихъ отправлено торжественнымъ образомъ.

Явившись, въ шесть часовъ утра, въ «кунацкую», я нашелъ Шамя сидящимъ на разостланномъ по полу коврѣ, лицомъ къ углу, обращенному на юго-востокъ. Коверъ этотъ былъ покрытъ кускомъ тонкаго полотна; а прочіе ковра, которыми устлана вся комната, были покрыты обыкновенными бѣлыми простынями. Кромѣ мужчинъ, принадлежащихъ къ дому Шамя, на богослуженіе явились еще трое казанскихъ Татаръ, проѣзжавшихъ, въ это время, чрезъ Калугу съ товарами, ссыльные горцы и нѣсколько солдатъ, состоящихъ на службѣ въ здѣшнемъ гарнизонномъ баталіонѣ.

Всѣ молещички, раздѣлившись, сообразно размѣрамъ комнаты, на четыре шеренги, сидѣли скрестивъ ноги, сзади Шамя. Верхи ихъ шапокъ до половины были обернуты бѣлою матеріею, замѣнявшею чалму. Всѣ они были одѣты въ самыя лучшія свои платья и вмѣстѣ съ ними смотрѣли очень весело, совершенно по праздничному. Что касается Шамя, то онъ былъ весь въ бѣломъ, что составляетъ самый парадный его костюмъ.

Ношеніе чалмы предписывается всѣмъ мусульманамъ, какъ одно изъ правилъ сунната, поэтому не вездѣ и далеко не всѣми оно исполняется; но въ нѣкоторые исключительные дни, какъ, напримѣръ, въ день байрама и въ первые дни рамазана, исполненіе этой обязанности требуется настоятельно, почти такъ же, какъ и всякое правило фарыза. Члены здѣшной мусульманской колоніи, кажется, всѣ безъ исключенія проникнуты сознаниемъ этой необходимости, и къ удовлетворенію ея они стремились, повидимому, не разбирая даже средствъ, потому что на ихъ шапкахъ красовались матеріи всевозможныхъ достоинствъ и названій, начиная отъ дорогой кисеи, красиво испещренной мушками, до казеннаго рубашечнаго холста, тутъ же снятаго съ солдатской ноги и обращеннаго, по экстренности случая, въ мусульманскую чалму.

Войдя въ комнату, я прислонился къ ближайшей стѣнѣ и хотѣлъ было, изъ уваженія къ предстоящей молитвѣ, дѣлать свои наблюденія стоя. Но Шамиль, дожидавшійся ужъ нѣсколько минутъ моего прихода, чтобъ начать богослуженіе, обратился ко мнѣ съ предложеніемъ сѣсть на диванъ; а Хаджію объяснилъ, что всѣ присутствующіе должны, въ это время, непременно сидѣть, и что стоять — неприлично.

Вслѣдъ затѣмъ, окинувъ взглядомъ комнату и удостоверившись, что всѣ мусульмане находятся при своихъ мѣстахъ, Шамиль началъ службу. Она состояла въ пѣніи хоромъ извѣстнаго стиха, составляющаго догматъ магометанской религіи: «ля иль аллаа-га иль, аллаа-гу, Мухаммедъ ресуль аллаага». Въ пѣніи стихъ этотъ сокращается слѣдующимъ образомъ: «ля иль ляга, иль алла». Пѣніе прерывалось нѣсколько разъ чтеніемъ нѣкоторыхъ очистительныхъ и разрѣшительныхъ молитвъ. Последнею была просьба объ оставленіи грѣховъ. Наконецъ, служба завершилась пѣніемъ того же стиха, повтореннаго, по уставу, ровно сто разъ, а затѣмъ послѣдовало краткое, но благоговѣйное размышленіе молившихся, которые, слѣдуя за движеніями Шамиля, обратившагося теперь къ нимъ лицомъ, то воздѣвали руки, то поникали головами, то клали земные поклоны. Вообще, все богослуженіе было проникнуто такимъ искреннимъ и глубокимъ благоговѣніемъ, которое способно было вызвать на размышленія отъявленнаго скептика. Самое пѣніе, невзирая на

всю его монотонность, заключало въ себѣ много гармоніи, правда, дикой, но тѣмъ болѣе возвышавшей интересъ этой сцены...

Наконецъ Шамиль всталъ, и богослуженіе кончилось. Оно было самое продолжительное изъ всѣхъ, предписываемыхъ ему мусульманскою религіею. Тѣмъ не менѣе, оно продолжалось всего сорокъ-шесть минутъ.

Поздравляя Шамиля съ праздникомъ, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, поздравилъ его и съ новою Монаршею милостію, выразившеюся добавленіемъ къ получаемому имъ содержанію.

Шамиль былъ озадаченъ. Онъ какъ будто не понималъ того, что я ему сказалъ. Наконецъ онъ понялъ.

— Да за что же это? произнесъ онъ съ видимымъ смущеніемъ.

Больше онъ ничего не могъ сказать, и мы молча отправились завтракать. Садясь за столъ, Шамиль вспомнилъ о томъ, какъ, недѣлю тому назадъ, разговлялся онъ у меня на Свѣтло-Христово воскресенье.

— Вотъ и для моего праздника Государь мнѣ красное яйцо прислалъ! сказалъ онъ, улыбаясь и намекая на полученную милость.

За завтракомъ, Шамиль спросилъ, какое впечатлѣніе произвело на меня ихъ богослуженіе, при чемъ замѣтилъ, что имъ больше нечѣмъ похвалиться, потому что теперешнее было самое торжественное, самое великолѣпное. Я отвѣчалъ, что, глядя на нихъ, мнѣ и самому хотѣлось помолиться. Это, повидимому, очень польстило религіозной сторонѣ его самолюбія, и онъ, продолжая свою рѣчь, рассказалъ между прочимъ о томъ, съ какимъ великолѣпіемъ праздновался байрамъ въ Веденѣ. Множество набовъ и всякаго рода старшинъ духовныхъ и свѣтскихъ являлись къ этому дню въ резиденцію имама, чтобы встрѣтить праздникъ вмѣстѣ съ нимъ. Ихъ присутствіе и раболѣпное уваженіе, которое они ему оказывали, много возвышали значеніе его въ глазахъ народа. Въ главѣ этой блестящей и многочисленной свиты, отправлялся Шамиль въ мечеть, гдѣ, впрочемъ, богослуженіе совершалось точно такъ же, какъ и теперь. Изъ мечети всѣ возвращались, такимъ же порядкомъ, въ имамскій домъ, гдѣ для всѣхъ былъ приготовленъ столъ.

Дорога, по которой шелъ Шамиль въ мечеть и обратно, уставлена была живыми шпалерами изъ мюридовъ. Это была

пародія на церемоніаль, происходящій въ этотъ день въ Константинополь. Подробности его, а также подробности нѣкоторыхъ учреждений въ Турціи, сообщилъ Шамилю нѣкто Юсуфъ-Хаджи, жившій очень долго въ столицѣ султана. Съ его разсказовъ, Шамиль учредилъ у себя званіе мудира и ввелъ нѣкоторые другія турецкія учрежденія.

День байрама былъ единственный день въ году, когда Шамиль обѣдалъ съ своими подчиненными. Въ этотъ день, изъ стада, принадлежавшихъ собственно Шамилю, рѣзались десятки быковъ и сотни барановъ. Мясо ихъ шло для обѣда собственно въ имамскомъ домѣ и на угощеніе бѣдныхъ горцевъ и плѣнныхъ Русскихъ. Тѣ и другіе получали, кромѣ того, щедрую помощь припасами и деньгами.

Слушая этотъ разсказъ, я смотрѣлъ на Шамиля самымъ внимательнымъ взглядомъ. Но ни въ одномъ его словѣ, ни въ одномъ жестѣ не высказывалось ни малѣйшаго сожалѣнія объ утратѣ власти и прочихъ окружавшихъ его въ то время условий; а, напротивъ, судя по легкимъ гримасамъ, изрѣдка мелькавшимъ, въ это время, на его серьезномъ лицѣ, можно было безошибочно заключить, что онъ всей душою радъ, избавившись отъ тягостей и неудовольствій прежней жизни.

По окончаніи «розговѣнья», всѣ мы вышли изъ столовой въ парадныя сѣни, гдѣ, на разостланной по полу скатерти, лежала пшеница, приготовленная для бѣдныхъ. Шамилю подали стулъ, и онъ сѣлъ, окруженный всѣми мужчинами его дома. Двое ссыльныхъ стояли въ сторонѣ, печально поникнувъ головами. Одинъ изъ нихъ, Хаджи-Магометъ, принадлежитъ къ богатому семейству въ шамхальскомъ владѣніи и даже состоитъ въ родствѣ съ шамхаломъ тарковскимъ.

Взявъ въ руки гарнецъ, Шамиль насыпалъ въ него пшеницы и, старательно сравнивъ ее съ краями, высыпалъ въ мѣшокъ, поддерживаемый однимъ изъ мюридовъ. Повторяя то же самое еще пять разъ, онъ шепталъ какія-то молитвы. То была просьба о благопріятномъ принятіи этихъ жертвъ, приносимыхъ ради отпущенія грѣховъ его собственныхъ и грѣховъ двухъ его женъ и трехъ малолѣтнихъ дочерей. Высыпавъ шестой гарнецъ, Шамиль передалъ его Гази-Магомету, который такимъ же порядкомъ высыпалъ въ мѣшокъ два гарнца: за себя и за отсутствующую

щую свою жену. Магометъ-Шеффи и оба зятя сдѣлали то же самое. Наконецъ гарнецъ перешелъ въ руки мюридовъ, которые, всыпавъ въ мѣшокъ по одному гарнцу — за себя, передали его опять Шамилю. На этотъ разъ, Шамиль принесъ жертву за находящихся въ его домѣ служанокъ. Объ умершихъ родственникахъ не было помина.

Окончивъ жертвоприношеніе, Шамиль передалъ мѣшокъ съ пшеницею и финики ссыльнымъ горцамъ, которые въ этомъ дѣйствіи не участвовали, такъ же, какъ женщины и прочіе мусульмане, посторонніе здѣшнему дому.

Этимъ заключилось начало празднованія байрама въ Калугѣ. Онъ продолжается три дня.

Предшествовавшимъ постомъ, мусульмане очистили себя отъ грѣховъ; но, независимо того, религія предлагаетъ поститься еще въ продолженіе шести дней, начиная со втораго дня байрама. Это — суннатъ, требованіе необязательное, но очень соблазнительное по тѣмъ обѣщаніямъ, которыя оно сулитъ: мусульманинъ, исполнившій это требованіе, получить отпущеніе въ шестьдесятъ грѣхахъ, и, кромѣ того, каждое доброе дѣло, сдѣланное имъ въ продолженіе этого времени, будетъ принято, какъ шестьдесятъ добрыхъ дѣлъ.

Тѣмъ не менѣе, изъ всѣхъ горцевъ, только Шамиль да Гази-Магометъ изъявили желаніе держать шестидневный постъ.

Черезъ нѣсколько времени по окончаніи завтрака, пріѣхали къ Шамилю всѣ его калужскіе знакомые, чтобы поздравить его съ праздникомъ (онъ ѣздилъ съ визитами въ свѣтлый праздникъ).

Поблагодаривъ гостей за вниманіе, онъ объявилъ имъ о новой Монаршей къ нему милости. По этому поводу начались новыя поздравленія. Слушая ихъ, Шамиль становился постепенно сумрачнымъ: лицо его то блѣднѣло, то краснѣло и подъ конецъ сдѣлалось совсѣмъ темнымъ (*), а на глазахъ готовы были выступить слезы. Снова поблагодаривъ гостей за выказанное ими участіе, онъ сказалъ:

— Государь осыпаетъ меня такими великими милостями, которыя можно оказать только любимому сыну или человѣку, сдѣ-

(*) Это составляетъ особенность его физиономіи въ то время, когда онъ бываетъ взволнованъ.

лавшему для него и для его земли много добра и пользы. Мнѣ очень хотѣлось бы разсказать вамъ то, что я чувствую и какъ много люблю «нашего» Государя; но я не могу этого сдѣлать, потому что нѣтъ такихъ хорошихъ словъ ни на моемъ, ни на вашемъ языкѣ, а еслибъ они и были, то вы не повѣрили бы мнѣ. Повѣрьте же тому, что каждая милость Государя очень, очень для меня дорога, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она рѣжетъ мое сердце, какъ самый острый ножъ: когда я вспомню, сколько я зла дѣлалъ великому Государю и Его Россіи и чѣмъ Онъ теперь меня за это наказываетъ, мнѣ стыдно становится, я не могу смотрѣть на васъ и готовъ закопать себя въ землю!...

Шамиль видимо сокрушался. Онъ произнесъ свою рѣчь прерывистымъ и дрожавшимъ отъ волненія голосомъ и видимо тронулъ всѣхъ присутствовавшихъ, изъ числа которыхъ, конечно, никто не могъ заподозрить плѣнника въ лицемеріи. Напротивъ, вполне симпатизируя состоянію его духа, гости видѣли даже необходимость сказать Шамилю какое нибудь успокоительное слово. И вотъ, тотъ же губернской предводитель дворянства г. Шукинъ, къ которому мимоходомъ сказать, нашъ плѣнникъ питаетъ особенное расположеніе, сказалъ ему въ отвѣтъ слѣдующія слова:

— Напрасно ты такъ тревожишься прежними своими дѣйствіями. Государь нашъ, осыпая тебя милостями, дѣлаетъ свое дѣло, и не потому такъ поступаетъ, чтобы хотѣлъ тебя наказывать этимъ, но потому, что иначе онъ никогда не поступаетъ.

И, дѣйствительно, краткія, но полныя чувства слова г. Шукина, подтвержденныя одобрительнымъ говоромъ гостей, произвели на Шамиля впечатлѣніе благопріятное: онъ нѣсколько успокоился и, въ заключеніе этого разговора, сказалъ:

— Богъ знаетъ, что я думаю, и слышитъ мои молитвы; Онъ знаетъ, что я прошу у него только двухъ милостей: здоровья и благоденствія для Государя, а для себя—какого нибудь случая заслужить Его милости и доказать, что я достоинъ ихъ.

Слова эти, можно сказать, сдѣлались маніею Шамиля: онъ повторяетъ ихъ при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ бы стараясь облегчить полноту своихъ чувствъ. И, дѣйствительно, нѣтъ возможности сомнѣваться въ искренности благоговѣнія его къ Государю Императору: оно такъ велико, что, по моему убѣжденію,

еслибъ встрѣтилась надобность въ его услугахъ, то, по первому слову, онъ бы сдѣлалъ то, что можетъ сдѣлать только вѣрнопопданный...

Я сейчасъ сказалъ, что Шамиль питаетъ къ г. Щукину особенное расположеніе. Этого слишкомъ недостаточно для того, чтобъ надлежащимъ образомъ охарактеризовать ихъ взаимныя отношенія. Обстоятельство это составляетъ весьма знаменательный фактъ для опредѣленія личности плѣнника, и потому я прошу у г. Щукина извиненія этомъ, что долженъ буду распубликовать нѣкоторыя домашнія его дѣла.

Было бы странно думать, что расположеніе это зародилось вслѣдствіе того, что въ домѣ г. Щукина Шамиль принять съ большимъ радушіемъ, съ большимъ почетомъ, нежели въ другихъ домахъ: нѣтъ, его принимали вездѣ одинаково до послѣдней подробности: то же самое радушіе, тотъ же самый почетъ, наконецъ то же самое выраженіе во всѣхъ фізіономіяхъ, которое очень прилично перевести фразой того же г. Щукина: «мы въ тебѣ чтимъ героя»... Шамиль все это очень хорошо видѣлъ и, высказывая дома свои впечатлѣнія, никогда не прибѣгалъ къ сравнительной степени, говоря о г. Щукинѣ. Въ этомъ отношеніи, исключеніе было только въ пользу Калуги *вообще*: Шамиль говоритъ о ней всегда съ такой любовью, какой далеко не замѣтно въ отзывахъ его о своей родинѣ. Но тутъ все дѣло состояло въ томъ, что чувство Шамиля къ г. Щукину было ничто иное вначалѣ, какъ обыкновенная симпатія, зародившаяся въ немъ такъ точно, какъ зарождается всякая симпатія на свѣтѣ: съ перваго взгляда, безотчетно, по пословицѣ, «сердце сердцу вѣсть подастъ». Но впослѣдствіи симпатія эта обратилась уже въ чувство опредѣленное, развившееся подъ влияніемъ фактовъ, слишкомъ близкихъ и сердцу и уму Шамиля, а, какъ мнѣ кажется, близкихъ и не ему одному, а каждому, у кого есть сердце и умъ. Чтобы послѣдующія мои слова были болѣе понятны, я долженъ сдѣлать коротенькое отступленіе.

Мнѣ случилось слышать почти всѣ отзывы Шамиля о каждомъ изъ предметовъ, видѣнныхъ имъ въ Петербургѣ и возбуждавшихъ въ немъ большее или меньшее удивленіе. Но слова эти, обыкновенно, произносились въ минуту перваго впечатлѣнія, когда плѣнникъ не могъ еще произнести приговора о томъ или о

другомъ предметѣ «разумнымъ» образомъ. Впослѣдствіи онъ, конечно, составилъ себѣ обо всемъ этомъ понятіе, если не «вѣрное», то, вообще, такое, на которомъ воздвигъ онъ свое мнѣніе, свой приговоръ, окончательный, безъапелляціонный. Мнѣ вздумалось узнать это окончательное мнѣніе, это *общее* впечатлѣніе, произведенное на него Петербургомъ, Россією и всѣмъ, что онъ у насъ видѣлъ и испыталъ.

Вопросъ объ этомъ засталъ Шамиля врасплохъ: онъ не ожидалъ его. Я предложилъ обдумать отвѣтъ и потомъ сказать его, не стѣсняясь горечью, которая можетъ въ немъ заключаться. Шамиль подумалъ и отвѣчалъ:

— Теперь я понимаю, отчего мой сынъ Джемалэддинъ умеръ!

Этотъ лаконическій отвѣтъ сопровождался такимъ грустнымъ взглядомъ, такимъ печальнымъ выраженіемъ во всей фізіономіи, что, право, можно было подумать, ужь не обвиняетъ ли себя Шамиль въ убійствѣ сына, котораго такъ много любилъ...

И вотъ теперь, независимо радушія и почета, онъ встрѣчаетъ въ домѣ г. Шукина, во первыхъ, сына его, уланскаго офицера, служившаго въ одномъ полку съ Джемалэдиномъ и даже нѣкоторое время жившаго съ нимъ. Потомъ ему представляютъ нянюшку дѣтей г. Шукина, нянчившую того же Джемалэдина въ малолѣтномъ отдѣленіи кадетскаго корпуса.... Какія чувства, какія воспоминанія должны были зародиться въ Шамилѣ, когда онъ являлся въ домѣ г. Шукина, гдѣ было такъ много для того, чтобъ его сердце забилось сильнѣе обыкновеннаго! Эти чувства и эти воспоминанія легко разгадаетъ каждый, кто захочетъ представить себя на мѣстѣ плѣнника.

Но все это составляетъ причины, способныя возбудить въ Шамилѣ симпатію къ «дому» г. Шукина, а вотъ причина, способствовавшая развитію того же чувства въ отношеніи самого г. Шукина.

Прошедшею зимою, въ Калугѣ были дворянскіе выборы. Дворяне выбирали себѣ губернскаго и уѣзднаго предводителей. Въ началѣ сѣзда, всѣ они посѣтили Шамиля, возбуждающаго справедливое любопытство многихъ. Но этого любопытства, въ обыкновенномъ, обидномъ его видѣ, не было въ посѣщеніи калужскихъ дворянъ: на ихъ фізіономіяхъ виднѣлась та же фраза г.

Шукина: «мы въ тебѣ чтимъ героя». Подтвержденіемъ этого служить живая, веселая бесѣда, продолжавшаяся слишкомъ два часа и нимало не затруднившая плѣнника, несмотря на то, что въ его приемной было больше двадцати человѣкъ гостей, которыхъ онъ видѣлъ въ первый разъ въ жизни. Съ своей стороны, и гости не скучали; я даже увѣренъ, что удовольствіе, испытанное ими въ этотъ день, одно изъ наиболѣе пріятныхъ въ ихъ жизни.

Разговоръ, очень естественно, склонился на предстоящіе выборы и на выборъ губернскаго предводителя въ особенности. Шамилю объяснили значеніе ихъ и всѣ подробности, сопровождающія это государственное дѣло. Удивленію плѣнника не было предѣловъ: онъ не слышалъ и не воображалъ, чтобы участь людей можно было довѣрить простымъ деревяннымъ шарикамъ. Конечно, онъ не принялъ въ соображеніе того, что этими шариками руководить разумная воля тѣхъ, въ чьи руки они достанутся. Какъ бы то ни было, но въ шарикахъ встрѣтилась настоятельная необходимость: нельзя было не взглянуть на эти хотя на взглядъ и ничтожные предметы, но, въ нѣкоторомъ родѣ, вращающіе судьбами многихъ людей.

Явились шарики, явился и ящикъ. То и другое Шамиль разсматривалъ долго и съ большимъ вниманіемъ. Наконецъ, когда ему объяснили процессъ баллотировки, онъ сказалъ:

— Еслибъ отъ меня зависѣло, я бы всѣ шарики положилъ сюда (онъ указалъ направо), для Федора.

Такъ онъ называетъ г. Шукина.

Гости, смотрѣвшіе, какъ оказалось, на этотъ выборъ совершенно одинаковымъ взглядомъ, одобрили наивность хозяина громкимъ задушевнымъ смѣхомъ.

— А вы кого намѣрены выбрать? спросилъ ихъ Шамиль.

— Шукина, Шукина! раздалось со всѣхъ сторонъ.

— А кто это Шукинъ?

Шамиль не знаетъ фамилій своихъ знакомыхъ: онъ зоветъ ихъ по именамъ.

Узнавъ, что «Шукинъ» и «Федоръ» — «башка-тушуль, то есть все равно, Шамиль былъ въ восторгѣ.

— Вотъ видите, заговорилъ онъ: — и вы любите этого человѣка... А что, вы всѣ желаете его выбрать? неожиданно спросилъ онъ.

— Всѣ, всѣ! хоромъ отвѣчали гости.

Шамиль немного задумался. Наконецъ лицо его разцвѣтилось довольною улыбкою, и онъ обратился къ дворянамъ съ вопросомъ, выражавшимъ явное желаніе поймать виновнаго на мѣстѣ преступленія.

— Если всѣ вы хотите выбрать Ѳедора, сказалъ онъ:— для чего же вамъ класть туда шарикъ? Теперь можно и безъ нихъ обойтись...

Гости опять засмѣялись и тотчасъ же объяснили ему, что такого порядка требуетъ законъ.

Шамиль снова задумался.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ: — вы, вѣрно, не всѣ хотите выбрать Ѳедора.... Вы только говорите такъ, а на умѣ у васъ другое.

Въ словахъ Шамиля и во всей его физиономіи замѣтно было сильное безпокойство. Онъ просто боялся, что «Ѳедора» не выберутъ, и потому рѣшительно сталъ держать его руку. Наконецъ гостямъ удалось успокоить его увѣреніемъ, что Ѳедора непременно выберутъ, потому что всѣ дворяне и вся губернія такъ же много его любятъ и уважаютъ, какъ самъ Шамиль. Въ заключеніе, прощаясь съ нимъ, гости пригласили его въ дворянское собраніе, посмотреть, какъ они будутъ выбирать Ѳедора.

— О, да, я пріѣду! говорилъ Шамиль такимъ тономъ, какъ будто безъ него выборы никакъ не могли обойтись: — но, смотрите же, выберите мнѣ Ѳедора!...

Онъ сдержалъ свое слово, и явполнѣ увѣренъ, что онъ ѣхалъ на выборы съ тайною цѣлью, въ случаѣ неустойки, поспѣшить къ кому слѣдуетъ на выручку.

Справедливость, однако, требуетъ замѣтить, что, въ продолженіе слишкомъ трехъ часовъ, проведенныхъ нами въ собраніи, Шамиль прелюбопытно дремалъ въ своихъ креслахъ. Тѣмъ не менѣе, онъ не забывалъ своего дѣла, и, когда чиновникъ, выкликавшій дворянъ къ губернскому столу, дѣлалъ, по обыкновенію, въ своей фразѣ сильное удареніе на *жа* въ словѣ «пожалуйте», — Шамиль тотчасъ же пробуждался, вначалѣ даже съ нѣкоторымъ испугомъ, но потомъ, привыкнувъ къ этому, правду сказать, не совсѣмъ простому дѣлу, онъ ужъ только спрашивалъ: «а что, Ѳедора выбрали?..»

*

Но этой благопріятной минуты онъ, къ крайнему своему сожалѣнію, не дождался, потому что, выѣхавъ изъ дому съ тощимъ желудкомъ и сдѣлавъ уже въ дальнихъ комнатахъ собранія очередной намазъ, онъ не могъ больше сидѣть, тѣмъ болѣе, что приходила очередь и другому намазу...

На этихъ-то основаніяхъ, зародилось въ Шамиль чувство особенной пріязни къ г. Шукину, и по этому самому, установивъ для себя отшельническій образъ жизни, онъ если и допускаетъ въ немъ исключенія, то исключеніе въ пользу г. Шукина допускается имъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, Шамиль получилъ извѣстіе о скоромъ прибытіи въ Калугу Магометъ-Амина, который, находясь въ Петербургѣ съ абадзехскою депутаціею, получилъ дозволеніе посѣтить своего бывшаго имама. Шамиль обрадовался этому до крайности и сильно началъ хлопотать о болѣе удобномъ помѣщеніи для ожидаемаго гостя.

Наконецъ, 28 апрѣля, онъ пріѣхалъ, вмѣстѣ съ г. Богуславскимъ, что составило для Шамиля двойную радость.

И вотъ свидѣлись, послѣ тринадцатилѣтней разлуки, бывшій имамъ съ своимъ бывшимъ мюридомъ; свидѣлись два предводителя многихъ враждебныхъ намъ народовъ, такъ долго отстаивавшихъ свою, лишенную смысла, свободу. Свидѣлись они послѣ многихъ и многихъ переворотовъ, то возбуждавшихъ въ нихъ свѣтлыя надежды, то повергавшихъ въ положеніе безвыходное. Свидѣлись они не въ горахъ освобожденной родины, а посреди народа, къ которому они питали такую долгую, такую непримиримую ненависть.....

Много было смысла и задушевности въ свиданіи Шамиля съ Магометъ-Аминомъ: они обнялись и долго стояли въ такомъ положеніи, прикинувъ головами къ плечамъ другъ друга. Поцѣлуй не было: въ горахъ между мужчинами это не принято; да, признаться, теперь и не было въ нихъ особенной надобности: сцена, представлявшаяся нашимъ глазамъ, и безъ того была хороша.

Наконецъ объятія кончились, и гости, вмѣстѣ съ хозяевами, разсѣлись по комнатѣ. Съ Магометъ-Аминомъ пріѣхалъ братъ его, Абубекръ, для котораго въ домѣ Шамиля тоже было все свое да родное.

Интимная бесѣда на аварскомъ языкѣ продолжалась до самаго обѣда. Повременамъ она прерывалась обращеніемъ къ намъ Шамиля, передававшего изъ разсказовъ Магометъ-Амина что нибудь особенное, заключавшее въ себѣ общій интересъ.

Магометъ-Аминъ прожилъ у насъ три дня. Въ продолженіе этого времени, онъ разсказалъ намъ много интереснаго изъ быта Абадзеховъ, а также и Турокъ, съ которыми онъ имѣлъ частыя и даже непосредственныя сношенія, а наконецъ и часть своихъ собственныхъ приключеній. Все это доставило намъ возможность хорошо познакомиться и съ самимъ разсказчикомъ.

Изъ показаній его о нравахъ и обычаяхъ Абадзеховъ, мы узнали, что въ нихъ почти ничего нѣтъ общаго съ нравами и обычаями Дагестанцевъ и Чеченцевъ, хотя этого и нельзя бы ожидать, при одинаковой религіи и тождественности условій быта тѣхъ и другихъ племенъ.

Между прочимъ, одинъ абадзехскій обычай крѣпко удивилъ нашихъ горцевъ. Этотъ обычай, положительно воспрещая мужу видѣться съ женою днемъ, допускаетъ свиданіе только ночью, но съ тѣмъ еще условіемъ, чтобы ни одно человѣческое существо не видѣло его походовъ. Въ противномъ случаѣ, неловкій Ловласъ подвергается всеобщему посмѣянію, а нерѣдко лишается общественнаго значенія.

Горцы крѣпко подсмѣивались надъ Абадзехами.

— Къ собственной женѣ идти тайкомъ! говорили они, забывая, что и у нихъ въ домѣ мужа не видятъ собственныхъ женъ въ присутствіи не только посторонняго человѣка, но и роднаго ея отца или брата.

Въ такую же ловушку попались они и въ то время, когда Магометъ-Аминъ разсказывалъ о нѣкоторыхъ особенностяхъ абадзехскаго языка. Въ примѣръ онъ приводилъ, между прочимъ, нумерацію абадзеховъ: одинъ — *зза*, два — *тхи*, три — *шши*, четыре — *пккхи*, а пять, такъ просто — *тъпфу*.

Отъ всего сердца и всею силою своихъ здоровыхъ легкихъ, смѣялись горцы абадзехскому счету. И въ самомъ дѣлѣ: чтобы назвать цифру пять, надобно непремѣнно плюнуть! Какъ не смѣшно: очень смѣшно!... Но дѣло въ томъ, что они, голубчики, позабыли свои собственные — антгль'го, митгль'го, гкколоунг'го,

надъ которыми весьма и весьма легко можно сломать языкъ или попортить горло (*). Г. Богуславскій замѣтилъ это и, въ свою очередь, подтрунилъ надъ горцами. Они немного присмирѣли, но тотчасъ же стали снова хохотать и надъ абадзехскимъ—тьфу, и надъ своими — а'нтгль'го, митгль'го, гкколоунг'го. Вслѣдъ затѣмъ, Магометъ-Шеффи и Хаджіо сдѣлали изъ абадзехскаго «пять» кумыкскій терминъ, получившій въ нашихъ разговорахъ право гражданства и часто подающій поводъ къ смѣху. *Пять* по кумыкски—*бешг*, *бештург*. Примѣняя это слово въ отношеніи того предмета, который не нравился имъ до той степени, что «хоть плюнуть», горцы совсѣмъ перестали, въ подобныхъ случаяхъ, плевать, а, вмѣсто того, употребляли абадзехское пять: «абадзехъ-беш-туръ!» или, для краткости, просто, «абадзехъ»; «бештуръ» подразумѣвалось. Такимъ образомъ, у нихъ выходило: «хатунъ (женщина) абадзехъ—«бештуръ!» «Абадзехъ-ать (лошадь!») и т. д.

Этотъ способъ сдерживать въ границахъ свои ощущенія по-нравился и Шамилю, который хотя и изрѣдка, но тоже употребляетъ его. «Абадзехъ-киші!» говоритъ онъ, улыбаясь и показывая на какогонибудь пьяницу.

Говоря о Турціи, Магометъ-Аминъ отзывался о турецкомъ правительствѣ, о самыхъ Туркахъ и объ ихъ нравахъ не въ слишкомъ лестныхъ выраженіяхъ и даже, попросту, поругивалъ ихъ, къ чему, впрочемъ, онъ имѣетъ нѣкоторое основаніе.

Предъ окончаніемъ послѣдней войны, отъ отправился въ Константинополь, вѣроятно, съ цѣлью поговорить кой о чемъ на счетъ своего народа и добиться для него, а кстати и для себя,

(* *Антель'го* — семь; *митгель'го* — восемь; *гкколоунг'го* — двадцать-четыре. Слова эти, такъ же, какъ и многія другія аварскаго языка, рѣшительно не доступны не только для Европейца, да и для многихъ азіатскихъ племенъ. Они возможны только для Аварца, приобретающаго способность выговаривать ихъ практикою всей жизни и еще средствами, подобными тѣмъ, какія употребляются для образованія акробатовъ и всякаго рода гимнастиковъ. Особенность, сопровождающая произношеніе этихъ словъ, не можетъ быть передана на бумагѣ никакими условными терминами: надо непременно слышать это произношеніе, чтобы потомъ, читая слышанныя слова, понять, что это именно тѣ, а не другія. Предполагая, что многимъ читателямъ, быть можетъ, доведется когданибудь услышать это произношеніе, я рѣшаюсь обозначать названную особенность *апострофомъ*, (') употребляя его въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, которыя производить на языкѣ и въ горлѣ Аварца цоканье, пискъ, трескъ и другія эволюціи.

нѣкоторыхъ привилегій. Въ это самое время, шли переговоры о мирѣ, и Магометъ-Амина, должно быть, ради успѣшнаго хода переговоровъ, тотчасъ же заарестовали, несмотря на то, что онъ считается генералъ-лейтенантомъ той же турецкой службы. Насилу-насилу выпутавшись, бѣднякъ отправился безъ оглядки ко святымъ мѣстамъ, гдѣ и пропутешествовалъ довольно долго.

Вообще, рассказы его о Турціи произвели, повидимому, на Шамиля то дѣйствіе, что утвердили въ немъ невыгодное о ней мнѣніе, которое онъ имѣлъ прежде. А Магометъ-Аминъ, имѣвшій, какъ мы видѣли, причины и съ своей стороны быть довольнымъ турецкимъ правительствомъ, постарался украсить свои рассказы мѣткими сарказмами и ловкими оборотами рѣчи, на что, кажется, онъ большой мастеръ.

Репутація набожнаго человѣка и ревностнаго мюрида, которою Магометъ-Аминъ пользовался въ прежнее время, осталась за нимъ и теперь. Однако, нельзя было не замѣтить, что въ каждомъ изъ множества намазовъ, совершенныхъ имъ за короткое пребываніе въ Калугѣ, заключалось нѣкоторое и даже сильное желаніе порисоваться въ глазахъ Шамиля таравехами (*) и пощеголять предъ бывшими своими товарищами - мюридами особыми молитвенными приемами, вѣроятно, заимствованными имъ отъ меккскихъ коноводовъ, или отъ его же недруговъ Турокъ, которые, несмотря на то, считаются въ мнѣніи его и въ мнѣніи всѣхъ горцевъ законодателями моды, — и Магометъ-Аминъ, принимая отъ нихъ, во время бытности у Абадзеховъ, фасонъ костюма и способъ ношенія оружія, передавалъ постепенно измѣненія въ томъ и въ другомъ своимъ родичамъ въ Дагестанѣ. Точно также старался онъ подражать Туркамъ въ обращеніи и теперь изумлялъ простодушныхъ горцевъ своимъ лоскомъ и знаніемъ свѣтскихъ приличій.

Кажется, это самое пособило ему сманить отказавшагося отъ свѣта Шамиля въ загородный садъ, гдѣ праздновалась весна (1-го мая) многолюднымъ гуляньемъ. Еще кажется, что Магометъ-Аминъ, будучи чрезвычайно усерднымъ мусульманиномъ, совсѣмъ не склоненъ къ затворничеству, подобно Шамилю, а, напротивъ, непрочь порисоваться въ глазахъ прекраснаго пола.

(*) Дополнительная молитва, произносимая по большей части во время поста.

На другой день послѣ гулянья, гости наши уѣхали. Прощаніе было такъ же трогательно, какъ и встрѣча, и заключало въ себѣ такъ же много смысла.

Черезъ три дня отправился на Кавказъ и Гази-Магометъ.....

А. РУНОВСКІЙ.

